
КОНФЛИКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ КАК ИСТОЧНИК ВОЙН XX СТОЛЕТИЯ

Военные конфликты как вооруженная форма экономической борьбы

Новейшая история свидетельствует: в XX в. войны возникали на основе противоречий в достижении сторонами конфликта известных выгод и благоприятных для них исходов, добиться которых иными способами в силу ряда причин и обстоятельств не представлялось возможным.

Война — крайний способ разрешения, как правило, межгосударственных противоречий путем вооруженного насилия. В ходе войны, главным образом в результате военных действий, происходит ослабление, подрыв или утрата определенных связей и компонентов потенциала государства. Участники войны стремятся к достижению некоторых выгод и преимуществ, которые условно можно разделить на выгоды первого и второго порядков. К числу выгод первого порядка относятся: ослабление военного потенциала противника, военные трофеи (техника, имущество, пленные), репарации и контрибуции, территориальные, демографические приращения, экономические приобретения, ослабление или устранение конкурентов, возможность контроля линий и узлов коммуникаций. Выгоды второго порядка заключаются в расширении сфер влияния, повышении геополитического статуса, создании или благоприятном изменении институтов международных отношений, регуляторов мировой торговли и валютно-финансовых отношений. Проигравшая сторона теряет частично или полностью военный, финансовый и производственный потенциалы, сферы влияния и прежний уровень потребления в результате ущербов первого и второго порядков.

Признаки поражения (капитуляции) в войне сводятся к следующим факторам: разоружению и отказу от борьбы с противником; смене политического режима и явному или скрытому контролю победителем управления и расстановки руководящих кадров; утрате территорий; открытию границ для капитала страны-победителя; выплате репараций в разных формах, вывода финансового и материального капитала вовне в пользу победителя; целенаправленной обработке общественного сознания в пользу нового курса, новых внешнеполитических ориентиров. Подобные признаки были характерны для Германии, Италии, Японии после 1945 г.

Выгодам первого и второго порядков сопутствует множество военно-стратегических, политических и идеологических эффектов, которые являются в своей основе экономическими выгодами, непосредственно восполняющими или увеличивающими финансовый, технологический, производственный потенциал и уровень потребления победителя. Осознание экономической природы войн индустриальной эпохи пришло с началом XX в. Способность вести

войну перешла из сферы военной в сферу экономическую. «Положение в Европе в 1939 году придавало новый оттенок, новый смысл широко известному высказыванию Клемансо: «Война — дело слишком серьезное, чтобы его доверять военным»... Подобно тому, как техника обретала все более доминирующее положение над живой силой на поле боя, так и экономика в решении проблем большой стратегии отодвинула действующие армии на задний план. Если не обеспечить бесперебойную работу промышленных предприятий, то армии будут не чем иным, как инертными массами»¹. Это хорошо понимали правительства всех стран в начале XX в.: «Страна с многочисленной армией, но с расстроеными финансами столь же слаба в смысле государственной обороны, как и государство с неустроенной армией»².

Подготовка военных стратегий и собственно боевые действия в обеих мировых войнах XX в. разворачивались вокруг трех основных узлов экономических интересов: доступа к рынкам сбыта и источникам поставок энергетических и минерально-сырьевых ресурсов, продовольствия и технологий; контролю транспортных (коммуникационных) артерий; контролю или созданию институтов регулирования международных отношений и мировых потоков товаров, услуг, технологий, рабочей силы и капитала (хозяйственного обмена). Однако понимание экономических аспектов войн не может сводиться лишь к этим эмпирически выявленным причинам и причинно-следственным связям. Экономика — это не только процессы преобразования ресурсов и их потребления, прежде всего это человеческая деятельность, которая исходит из трех базовых предпосылок: неудовлетворенности текущим состоянием, представлений о желаемом состоянии и ожидания того, что целенаправленное поведение способно устранить или хотя бы смягчить чувство беспокойства, возникающее из неудовлетворенности. Поэтому рассмотрение экономических аспектов войны требует внимания к первооснове экономики — человеческой деятельности с ее целями и смыслами, выбором, цепочкам единичных действий и их связям, формирующим действие более высокого уровня, нацеленное на отдаленный результат.

В этом контексте поиск экономических причин войны должен исходить из понимания значимости (масштаба) проектов участников войны, мотивов их действий и результатов. При этом следует иметь в виду, что «в области экономической науки нет постоянных зависимостей и, следовательно, невозможны никакие измерения... Статистические цифры, относящиеся к экономическим событиям — это исторические данные. Они говорят нам о том, что произошло в неповторимом историческом случае... Понимание в мире истории является своего рода эквивалентом количественного анализа и измерения»³.

У войны всегда есть инициаторы, но это вовсе не означает, что только у них есть интересы в результатах войны. Экономические интересы имеют все участники войны, хотя бы потому, что война влияет, пусть и неравномерно, на уровень их неудовлетворенности, понимание желаемых состояний и ожидания от осуществляющейся и предполагаемой деятельности. Коалиции групп экономических интересов могут иметь и трансграничный характер. В зависимости от развертывания войны и положения в ней конкретных людей масштаб и направленность их экономических притязаний могут существенно отличаться и изменяться со временем.

В большинстве случаев субъекты тех или иных сценариев развития военных конфликтов отождествляются с названиями государств, тогда как реальный ландшафт властных возможностей в мире может существенно не совпадать с общепринятыми представлениями и нормами, устанавливаемыми правом. Было бы сильным упрощением сводить круг участников войны только к государствам, объявившим надлежащим дипломатическим образом свое участие в войне, хотя этот акт, безусловно, является принципиальным моментом. Векторы мотиваций различных заинтересованных групп внутри государства — участника войны, уровень консолидированности их усилий в противостоянии противнику, деловые взаимосвязи с резидентами других государств, в том числе тех, с кем формально объявлена война, могут быть весьма неоднозначны. Достаточно напомнить о наличии жесткой политической борьбы между «партией войны» и «партией мира» во Франции, Великобритании и США, довольно непростую конфигурацию интересов внутри Италии, Японии, Германии или Испании, раз-

нообразные «пятые колонны» внутри государств, возросшую роль профсоюзов и рабочего движения, торговлю и движение капитала между воюющими сторонами не только накануне или после, но и в ходе войны.

Тем не менее следует признать, что ключевым субъектом в войне является государство, поскольку именно оно представляет аппарат сдерживания, принуждения и обладает идеологическим могуществом и властью добиться повиновения силой. Даже самая мощная деловая корпорация, в конце концов, не правит потребителями, имеющими свободу выбора, а может через разные методы оказания влияния на государственный аппарат (главным образом лоббизм и коррупция) лишь создать условия принуждения потребителей к желаемому поведению.

В любой политической системе происходит согласование социальных интересов, например, в вопросе об изыскании средств для программ перевооружения. В Германии, Франции и Англии накануне Первой мировой войны было увеличено налогообложение богатых слоев населения, чтобы изыскать средства на укрепление флота или сухопутных сил. В России же усиление обложения капиталов и имущества было отложено в долгий ящик⁴. Социальный выбор, влияющий на принципиальные решения по распределению ограниченных ресурсов, являлся проблемой не только в парламентских западных странах, но и в довоенном СССР, вплоть до статуса «центральной проблемы», «от успешности разрешения которой зависит хозяйственная, да и политическая устойчивость СССР во время войны». Речь шла о «смычке с деревней», установлении «таких хозяйственных отношений с ней, при которых деревня сможет получать хотя бы минимальное количество продуктов промышленности в обмен на... сырье для промышленности и продфураж для города и вооруженных сил... На этой именно линии находится слабое звено нашей экономической системы»⁵.

Уже к началу XX в. мир был поделен на колонии между ведущими метрополиями. Но вкус к экспансии, вскормленный на чужой крови и легких трофеях, предопределял дальнейшую неумолимую логику действий — борьбу за передел колониальных сфер влияния. В Китае Германия наткнулась на интересы Великобритании, Франции, Японии, России; на Ближнем Востоке — Великобритании и Франции; в Африке — Франции, Португалии, Великобритании; в Латинской Америке — Испании и Португалии; на Среднем Востоке — Англии и России. Сближение со Стамбулом вело к желанию германского контроля над Проливами, что не могло быть принято ни Россией, ни Великобританией. Строительство немцами железной дороги задевало интересы англичан в Персидском заливе и грозило подрывом влияния в Иране и Индии.

В 1896 г. кайзер подвел первые итоги стремительного развития: «Германская империя превратилась в мировую империю», что означало не только сдвиг самооощущения, но и вполне реальную промышленную политику — «мировая политика как задача, мировая держава как цель, строительство военно-морского флота как инструмент». Спустя год Б. фон Бюлов в рейхстаге уже заявил: «Времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому — море, оставляя себе одно лишь небо, где царит чистая теория, — эти времена миновали... мы требуем и для себя места под солнцем»⁶.

Однако стратегические цели Германской империи выкристаллизовывались более трети века и определялись жадной самореализации империи в форме мирового господства в экономике и политике как продолжении триумфа нации в области духа. В конфигурировании союзников для нового, имперского этапа своего подъема у Германии был стратегический выбор. Прежде всего он предполагал определение линии в отношении России — партнерство или война. На выбор влияли гравитационные поля интересов Великобритании, Франции, США.

Сложнее и противоречивее было с обретением смысла и реализацией своих национальных интересов в России, где существовало не менее трех основных направлений внешнеполитической мысли, обосновывавших стратегические области экономической экспансии России. Революция добавила новое измерение этих интересов. Подобное явление — снижение внешнеполитических амбиций быстрее и значительнее, чем реальное падение мощи страны — увы, часто было характерно для динамики стратегической субъектности России.

Так или иначе, решения о начале, продолжении и окончании войны принимаются сторонами и лицами, находящимися под властью не только стереотипов, но и своей среды, информационной и человеческой, которая зачастую искажает реальность. Сходные метаморфозы происходят и сегодня в ходе «цветных революций».

Таким образом, экономические причины и Первой, и Второй мировых войн складывались не только из некоторых экономических абстракций вроде соотношения спроса и предложения, сальдо торгового и платежного баланса, но из экономических интересов заинтересованных социальных групп и кругов. Стремление к реализации своих экономических интересов вспарывало ткань внутренних и внешних политических институтов. Индикаторы спроса и предложения, цен и курсов фиксировали равнодействующую этих вполне человеческих расчетов и страстей, определяя силовые и иные представляющие угрозу действия со стороны организованных структур отдельных государств и их союзов, транснациональных корпораций и отдельных олигархов (с частными армиями в форме частных военных компаний)⁷.

Военный конфликт в индустриальном обществе, по существу, есть жесткая вооруженная форма экономической по своей сути борьбы. Наиболее жесткая борьба идет за инструменты глобального регулирования экономической активности между государственными и надгосударственными структурами, хотя и опирающимися на конкретные страны (США, Великобритания, Германия и другие). В предельной формулировке — это борьба за мировое господство, за власть над поведением всего человечества, его ценностями и смыслом существования. Военный конфликт мирового масштаба, охватывающий все великие державы, решает проблемы завоевания, удержания контроля и стимулирования роста вполне конкретных зон экономической активности для концентрации стратегических товарных и финансовых ресурсов⁸. Доступ к рынкам сбыта, источникам энергоресурсов, сырья и продовольствия, контроль коммуникаций остаются по-прежнему важнейшими объектами экономических интересов государственных и негосударственных субъектов современного мира.

Однако уже после Второй мировой войны, когда была создана новая валютно-финансовая мировая система, значение влияния на ключевые наднациональные институты регулирования спектра факторов экономического развития выросло беспрецедентно, став главным «призом» в глобальном соперничестве за лидерство и связанные с ним экономические преимущества.

Таким образом, рассмотрение экономических причин Второй мировой войны требует, помимо обозначенных выше трех узлов, рассмотрения факторов неудовлетворенности своим положением в мировой экономике у ключевых ее акторов, их представлений о желаемом состоянии и стратегиях их достижения. Из несовпадения их оценок прошлого и настоящего, борьбы между видением будущего мирового порядка и стратегией его достижения сложилась реальная конфигурация как экономических причин, так и экономических последствий войны.

Экономические причины и последствия Великой Отечественной и Второй мировой войн

Экономические причины и последствия Великой Отечественной и Второй мировой войн в целом до сих пор остаются предметом напряженных исследований и неоднозначных толкований. Однако большинство мнений о причинах и характере войны в целом не противоречат оценке И. В. Сталина, данной еще в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), где он заявил, что «экономический кризис... приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий»⁹.

Руины Сталинграда

Жители венгерского Дьёра на разрушенном бомбардировками заводе Raba

Развалины французского города Сен-Ло

Не только в то время, но и сегодня эти слова способны пролить свет на хитросплетения происходивших событий¹⁰. Однако теперь есть одно очевидное преимущество для осмысления проблемы — историческая дистанция, сама по себе развязывающая узел причин, туго сплетенный в неразличимое целое из важных и второстепенных, случайных и закономерных причин. При этом нельзя не согласиться с английским военным историком и теоретиком Б. Г. Лидделом Гарттом, утверждавшим, что «прежде чем рассматривать причины возникновения войны, уместно суммировать ее последствия. Понимание результатов войны поможет более реалистично изучить вопрос о причинах ее возникновения. На Нюрнбергском процессе достаточно было утверждать, что виновник развязывания войны и всех ее последствий — гитлеровская агрессия. Однако это слишком простое и поверхностное объяснение»¹¹.

Последствия Великой Отечественной войны как наиболее значимой и решающей части трудно отделить от последствий всей Второй мировой для глобальной политики и экономики. Их основу составляют потери и ущербы, понесенные человеческой цивилизацией в этой войне, которые лишь отчасти могут считаться компенсированными выгодами и приобретениями для стран-победителей.

Во-первых, война привела к колоссальным человеческим жертвам: около 60 млн человек¹².

Во-вторых, война стала причиной колоссальных разрушений и материальных утрат на огромных просторах Европы, Азии, Северной Африки, Юго-Восточной Азии. Были уничтожены или повреждены миллионы жилищ, заводов и фабрик, транспортных узлов, мостов и коммуникаций. Только в Европе было разрушено 23,6 млн жилых домов, 14,5 млн общественных зданий и промышленных предприятий, свыше 250 км железнодорожных путей¹³. В Польше фашисты разрушили около 40% национального богатства страны, почти 65% промышленных предприятий¹⁴. Наибольший материальный ущерб был нанесен Советскому государству: разрушено 1710 городов и поселков, 70 тыс. деревень и сел, 6 млн зданий, 32 тыс. промышленных предприятий, около 63 тыс. км железнодорожных путей, 1870 железнодорожных мостов и других сооружений¹⁵. Агрессоры принесли неисчислимые бедствия и своим народам. Промышленность Германии была истощена, разрушены 25% жилого фонда, инфраструктура страны, 20% промышленных предприятий оказались непригодными к восстановлению. По многим отраслям производства Германия было отброшена на уровень 1936 г. Была разрушена вся транспортная система страны. Кроме того, Германии предстояла выплата репарационных платежей¹⁶. Японский торговый флот был уничтожен на 90%. Производство промышленной продукции в Японии упало в пять раз¹⁷.

В-третьих, война изменила территориальные контуры множества стран. Так, Германия утратила все территории, аннексированные до или во время войны, а также Восточную Пруссию. Япония потеряла все свои колонии, а вместе с ними и вложенные в них инвестиции. Великобритания утратила статус метрополии для огромной колониальной сети. Заметные территориальные приращения получили СССР, Польша, возрожденная как государство, Чехословакия, другие страны. Радикально расширилась сфера влияния США.

В-четвертых, война сдвинула с мест миллионы людей — репатриация, депортация, миграция, «перемещенные лица» и прочее.

В-пятых, жизненный уровень в большинстве воюющих стран существенно снизился. Широко распространилась бедность. Трудности в снабжении топливом и продовольствием поставили жизнь множества людей на грань физического выживания, провоцируя рост смертности.

В-шестых, во всех странах произошло существенное обесценивание денежной массы, выросли цены и государственные долги. Так, розничные цены во Франции выросли за десять лет с 1937 г. в 19 раз, в Бельгии — в 4 раза, в Великобритании — в 1,8 раза, в США — 1,66 раза, в Бельгии — в 4 раза¹⁸. В побежденных странах рост цен был еще выше.

Однако во всей многообразной палитре мрачных и тяжелых экономических последствий войны нельзя не усмотреть оттенки светлых тонов. Советский Союз усилил военное и административно-политическое присутствие в Восточной Европе и на Дальнем Востоке, получил некоторые территориальные приращения, оборудование и военное имущество, а также часть научно-инженерного потенциала Германии, заменил «санитарный кордон» дружественными государствами, отодвинул свой «периметр обороны»¹⁹.

США укрепили свое военное, политическое, экономическое, технологическое и идеологическое лидерство в западном мире. Отказались от принципа неучастия в военных блоках в мирное время. Американские войска на постоянной основе были развернуты в Европе и вокруг СССР. Промышленность США испытала колоссальный подъем благодаря переходу экономики на военные рельсы. Занятость населения выросла с 54 млн человек в 1940 г. до 64 млн в 1945 г. Индекс цен валового национального продукта (в постоянных ценах) увеличился в США между 1938 и 1945 г. со 100 до 165 пунктов, тогда как в СССР — только до 105. При этом в Западной Европе и Японии ИНП упал до 87 и 63 соответственно²⁰. Что еще более существенно, необходимость быстрого решения крупных научно-технических задач (ядерное оружие, ракетостроение) стимулировала не только рост инвестиций, но и развитие организационного потенциала США. Свой выигрыш от войны получили и некоторые колониальные и зависимые страны, прежде всего благодаря росту цен на продовольствие и сырье.

Руины дома в освобожденной Варшаве

Американский танк М-4 «Шерман» на разрушенной улице Нюрнберга

Панорама развалин немецкого города Хайльбронн

Особый экономический результат войны — смена идеологической доктрины на Западе. Господствовавшая там после Первой мировой войны идеология либерального капитализма и рекомендуемые ею методы управления оказались неспособны восстановить самостоятельное регулирование рынков. Более того, именно либерализму была вменена вина за Великую депрессию, «конец которой могла положить лишь катастрофа — мировая война»²¹.

Базис новой теоретической конструкции для послевоенной доктрины был предложен еще в 1936 г. Дж. М. Кейнсом, обосновавшим принципы, направления и технику государственного вмешательства в экономические процессы²². Новая экономическая идеология предусматривала достижение серьезного комплекса социальных целей: рост занятости и социальное обеспечение, гарантированное государством, а также установление институтов экономической демократии. Позже этот аспект был отражен в концепции конвергенции различных социальных систем.

Подробно результаты мировой войны были подведены на XIX съезде ВКП(б), который состоялся спустя семь лет после капитуляции Германии, Японии и их союзников. На съезде было отмечено, что Вторая мировая война «потрясла до основания жизнь многих народов и государств и изменила лицо мира». Подчеркивалась также непредвиденность результатов войны для ее «вдохновителей и империалистов»: «Вместо уничтожения или ослабления Советского Союза получилось усиление СССР», от капитализма отпал ряд стран Центральной и Юго-Восточной Европы, произошел «мощный подъем национально-освободительной борьбы» в колониальных и зависимых странах «вместо дальнейшего закабаления». «Тяжелый удар нанесла всей мировой империалистической системе историческая победа великого китайского народа». Германия, Япония и Италия «выпали из числа великих держав, а Франция и Англия потеряли прежние позиции», понесла людские потери и материальный ущерб.

С позиций сегодняшнего дня можно обратить внимание на то, что в докладе присутствует смешение разноплановых целей участников Второй мировой войны. Между тем цели Германии, Италии и Японии существенно различались даже между собой, как и стратегические ориентиры США, Великобритании и Франции. Несомненно, с существенными поправками воспринимается сегодня и положение о внутренних противоречиях между ведущими западными странами, хотя бы потому, что именно в результате Второй мировой войны были сформированы наднациональные институты регулирования мировой торговли, движения капитала и рабочей силы.

«Наиболее важным экономическим результатом Второй мировой войны и ее хозяйственных последствий» на XIX съезде ВКП(б) был признан распад единого, всеохватывающего мирового рынка, образование двух лагерей с разными историческими перспективами. Хотя реальная история пошла более извилистыми путями, исчезновение в конце 1980-х гг. мирового социалистического лагеря с восстановлением глобального рынка отнюдь не поставило точку на процессах его фрагментации.

Сложившийся «новый центр реакции и агрессии» в лице США был признан «источником угрозы делу мира и национальной независимости народов». Развернулись «экспансия американского капитализма», милитаризация хозяйства, подготовка к новой войне, обнищание населения своих стран и ограбление народов других стран. Были представлены сравнительные оценки роста промышленной продукции СССР и капиталистических стран за период 1929–1951 гг.: в СССР — почти в 13 раз, в США — в 2 раза. При этом промышленное производство в США вплоть до 1939 г. «топталось на месте» и лишь резкое увеличение военного производства во время Второй мировой и затем Корейской войн привело к удвоению по сравнению с 1929 г.

В этих советских оценках отразились не столько игра со статистикой, сколько идеологические и политические мотивы. После войны в СССР развернулась жесткая и большей частью закрытая дискуссия о системе управления экономическим развитием на фоне необходимости создать противовес американской ядерной монополии. Но на деле именно рост военного производства США дал импульс к окончательному переходу на новый технологический уклад. СССР имел более отягощенную технологическую траекторию.

Вторая мировая война была представлена в документах съезда как конфликт «двух капиталистических группировок», каждая из которых рассчитывала «путем применения вооруженной силы переделить мир заново, захватить новые источники сырья, расширить рынки сбыта для своих товаров». Иными словами, «укрепить собственное экономическое положение за счет своих противников и добиться мирового господства». Эти намерения имели выражение в конкретных цифрах: США, а также Англия и Франция, надеялись поднять производство в своих странах в 4–5 раз. Планы эти с треском провалились. США «лишь удвоили объем производства», потеряли рынки сбыта в СССР, Китае, восточноевропейских странах и не смогли установить господство американского капитала на мировом рынке.

США захватили значительную долю рынка, переориентировали экономические связи на себя (препятствуя западноевропейским странам импортировать продовольствие и сырье из Восточной Европы и экспортировать туда промышленные товары — товарооборот США со странами Восточной Европы сократился в 10 раз по сравнению с 1937 г., Англии и Франции — соответственно в 6 и 4 раза). США форсировали свой экспорт путем «самого бесстыдного демпинга», ограждая при этом свой внутренний рынок. На отдельных рынках (нефть, каучук, цветные и редкие металлы, сера, шерсть) особенно острыми были противоречия между США и Англией. Отмечены также противоречия США с оккупированными ими Японией, Германией и Италией, а также Францией. Можно заметить в этих цифрах реально идущие процессы обособления двух лагерей и нарастание роли США в восстановлении европейской и японской экономики.

В документах съезда подчеркнут факт инфляционной эмиссии бумажных денег. В 1951 г. обесценивание доллара составило 57% по отношению к 1939 г., фунта стерлингов — 68%, французского франка — 96%. В итоге возникла военно-инфляционная экономика. Налоги с населения выросли в США в 12 раз. Здесь следует отметить, что помимо образования новой мировой валютно-финансовой системы США параллельно осуществили и коренную реорганизацию системы налогообложения, резко повысив значение налогов с прибыли корпораций и личных доходов граждан²³.

Особое внимание было уделено противоречиям между метрополиями, колониями и зависимыми странами, растущее проникновение США в сферы влияния своих союзников, в том числе в британские имперские владения, включая нефтяные районы и Суэцкий канал. Совершенно справедливо делался акцент на процессе окончательного распада британской колониальной системы. Главным вектором деятельности «правлящих кругов США, Англии и Франции» была признана подготовка к новой войне. «Линия на завоевание мирового господства, на подчинение себе всех других стран является основным мотивом всей политики американской империалистической верхушки». Было отмечено стремление «замаскировать свою захватническую политику» и агрессивные планы, ведущиеся военные действия «демагогической миролюбивой фразеологией» — «старания агрессивного атлантического волка натянуть на себя овечью шкуру»²⁴.

Таким образом, официальные оценки советского руководства сводились к тому, что основной причиной Второй мировой войны стал конфликт фундаментальных экономических интересов ведущих мировых империалистических коалиций: преодоление экономического кризиса, стимулирование роста через военные расходы, доступ к источникам сырья, рынкам сбыта, расширение сфер влияния. В этом конфликте верх одержали США. Но поскольку главным хозяйственным итогом войны стал распад единого, всеохватывающего мирового рынка с обособлением мировой социалистической системы во главе с СССР, то стратегический лейтмотив США и их союзников после Второй мировой войны сводился к достижению мирового господства через подготовку и развязывание новой войны.

По существу, структура победы обрисована четко. Но победа у СССР, Великобритании, Франции, США и в то время еще зависимых стран была различной. Для США главное значение имели выгоды второго порядка, а для СССР — выгоды первого и второго порядков. Выгоды, полученные победителями во Второй мировой войне, имели вполне материальное выражение: финансовые репарации, контрибуции, трофеи — оборудование и техника, приток

научно-технических кадров, технологий, патентов, расширение зоны влияния, стимулирование научно-технического и экономического роста, новые рабочие места, принудительные инвестиции в восстановление разрушенных экономик, отнюдь не безвозмездные и не альтруистичные программы помощи, ликвидация барьеров доступа на рынки поверженных противников, контроль над их политическими режимами и параметрами экономической политики.

Но главное, что получили США, фиксируя свои преимущества победителя на долгий ряд лет, по крайней мере на одно-два поколения, — возможность контроля наднациональной модели экономического развития, текущей и перспективной. В этом контексте важно, что проигравшие в войне Германия и Япония до сих находятся по немногим, но существенным параметрам в парадигме зависимых от США стран с ограниченным технологическим, военным и политическим суверенитетом, тогда как в отношениях с Россией их поведение мало напоминает проигравшие стороны.

Выигрыш США можно свести к следующему: установление выгодной США финансовой модели мировой экономики и право одностороннего отказа от нее, если она перестала выполнять свои задачи; установление или подтверждение главенствующей роли американских и переплетенных с ними британских финансовых институтов, их глобальных аналогов, нивелирование роли других финансовых центров (Цюрих, Париж, Берлин, Бейрут, Гонконг, Сингапур); поэтапное разрушение колониальных зон (сначала Германии и Японии, затем Великобритании, Франции, Португалии), либерализация мировых рынков в интересах корпораций США; перемещение в США золотых запасов и контроль привязанных к доллару валют других стран; подавление экономических конкурентов, в том числе через международные институты, а также институты зависимого развития Германии и Японии, а после холодной войны — постсоветских и других стран; контроль ведущих руководящих и экспертных позиций в международных организациях; всемерная поддержка достижения компаниями США лидерства сначала в промышленном производстве, затем в наиболее выгодных инновационных областях, финансовом секторе, «высших услугах капитализма»²⁵.

Суммарно все эти эффекты раз за разом решали фундаментальную экономическую проблему США — балансирование реального и фиктивного секторов экономики за счет сжигания необеспеченных долговых обязательств. В конечном счете, это обеспечивало сначала выход на роль лидера мировой экономики после Первой мировой войны, а затем формирование сверхпотребляющего по отношению к остальному миру общества. Долгосрочное удержание такого состояния требует глобального контроля над поставками стратегических ресурсов, рынками сбыта и ключевыми коммуникациями. Главными инструментами такого контроля выступают глобальная долларовая и многофункциональная силовая инфраструктура США.

Следует подчеркнуть, что главным выигрышем США и в холодной войне стало продление «срока годности» выгодной для них спекулятивно-долговой модели мировой экономики, которая сохраняет преимущество как с моделью экономического роста США, предполагающей эффективное управление дефолтами, так и с Бреттон-Вудской валютно-финансовой системой. Кроме того, был создан инструментарий для следующих факторов: неэквивалентного обмена «дорогих инноваций» на «дешевое сырье» и соответствующей структуры рынков; сжигания части инфляционной денежной массы в проектах в постсоциалистических и близких им странах, их квазиколонизация; утверждения США как главного арбитра в решении любых мировых вопросов; поддержки эволюции Японии, Китая и Индии на основе выгодной США модели социально-экономического развития; ослабления роли международных организаций в пользу США при сохранении контроля над ними; концентрации в США перспективных инновационных бизнесов и университетов.

Таким образом, три участника Второй мировой войны — Германия, Великобритания и США подразумевали мировое господство как свой важнейший целевой ориентир. Для Германии он означал утверждение своей власти совместно с Японией и Италией над Евразией и колониальной системой Франции и Великобритании, прежде всего в Азии и Африке. Для Великобритании речь шла о сохранении своей империи, имевшей глобальное значение и опиравшейся на доминирование фунта стерлингов в мировой торговле и расчетах. Для

США речь шла о создании новой мировой валютно-финансовой и торговой системы на базе доллара. Все государства, ориентированные на мировое господство, имели в виду устранение препятствий к его достижению, поэтому и структура препятствий для каждого участника была различной.

Созданная в каскаде промышленных революций XIX и XX вв. экономика ведущих стран мира нуждалась в источниках сырья и рынках сбыта, кредитной инфраструктуре и развитии международной торговли. К началу XX в. Великобританию, признанного гегемона мировой экономики и финансов, быстро догоняли США и Германия. Основные великие державы сформировали обширные колониальные владения и сферы влияния. Провал попытки Германии занять свое место и относительное отставание Великобритании от США в освоении новых индустрий, а также выпадение России из мировой торговли — все это создало беспрецедентную по масштабу и силе диспропорций ситуацию.

Особую важность имел кризис международных платежей: фунт стерлингов как мировая резервная валюта утрачивал свой статус по мере общего ослабления Британской империи. Кроме того, распад четырех империй с образованием множества новых государств в Европе не создал крайне хаотичную ситуацию в экономике Европы. Ни одно из этих государств не было самодостаточным и нуждалось в развитии внешней торговли и в инвестициях, что в условиях кризиса международных платежей было весьма сложно. В итоге большинство новообразованных стран стало частью бартерной торговой зоны Германии.

Социальная революция и Гражданская война превратили Россию в международную парию, в отношении которой была осуществлена интервенция и введена экономическая блокада, а затем предъявлен иск в 18,5 млрд золотых рублей как условие возвращения к нормальному международному взаимодействию. США, ставшие к тому времени нетто-кредитором и Англии, и Франции, лидером по производству и экспорту ключевых товаров мировой торговли, заняли отстраненную позицию в разрешении клубка европейских проблем. При этом Лига Наций не смогла стать институтом согласования конфликтов и налаживания мирного сотрудничества. В итоге угроза силового разрешения возникших и накапливающихся противоречий существовала с разной интенсивностью весь межвоенный период. Когда окрепшая Германия начала «оптимизировать» свои отношения с соседями — Францией, Австрией, Чехословакией, то ведущая держава континента — Великобритания смотрела на это в целом благожелательно.

Однако перспектива ожидавшегося силового разрешения противоречий европейского устройства оказала влияние на характер экономического подъема. «Для ведения войны необходимо было около 20 основных продуктов. Уголь — для общего производства. Нефть — для транспорта. Хлопок — для производства взрывчатых веществ. Шерсть. Железо. Резина — для транспорта. Медь — для военного снаряжения и всех видов электрооборудования. Никель — для производства стали и боеприпасов. Свинец — для боеприпасов. Глицерин — для динамита. Целлюлоза — для бездымного пороха. Ртуть — для детонаторов. Алюминий — для авиации. Платина — для химических приборов. Сурьма и марганец — для производств стали и металлургии вообще. Асбест. Слюда. Азотная кислота и сера — для производства взрывчатых веществ»²⁶.

Все эти продукты составляли основу продукции гражданского промышленного производства: тракторов, автомобилей, самолетов, судов. Ни одна великая держава не имела полноценного самообеспечения по стратегическим продуктам. Англия была обеспечена полностью только углем, ставшим, между прочим, и основой снабжения ее флота и баз, раскинувшихся по всему миру. Снабжение обеспечивал торговый и военный флот в основном из стран империи. 90% никеля давала Канада, 10% — французская Новая Каледония. Серьезный дефицит был по нефтепродуктам.

В несравненно лучшем положении находились США, добывая две трети нефти в мире и производя около половины мирового объема хлопка и меди. Зависимость от внешних поставок имела по сурьме, резине, жести и частично марганцу. В этих условиях кризисное состояние международной торговой системы явилось одним из факторов предпочтения силового разрешения проблем.

Нефтяные вышки недалеко от Лос-Анджелеса

При всем известном естественном богатстве СССР отнюдь не был самодостаточен. Особенно не хватало сурьмы, никеля, резины, меди и серы. Материалы заседаний органов оборонно-промышленного комплекса 1920-х — начала 1930-х гг. полны тревоги из-за слабости «внутреннего покрытия» потребностей военной промышленности. На 1929 г., когда внешняя обстановка оценивалась как весьма напряженная, «недопустимая зависимость» сохранялась по важнейшим продуктам: никелю, алюминию, свинцу²⁷. «Неизжитая острота сырьевой проблемы» долго сохранялась по цветным металлам и азоту. По ферросплавам, селитре, цинку, меди и олову лишь начинался переход на внутренние источники. «В первой пятилетке оборонная подготовка промышленности находила свой основной лимит в сырье... в первую очередь в форме «узости» сырьевой базы обороны и громадной зависимости от импорта», — отмечалось в аналитической записке Госплана в октябре 1932 г.²⁸ К началу войны по подавляющему большинству стратегических минералов СССР достиг высокого уровня самообеспеченности.

Страны оси — Италия и Япония импортировали почти всё. Для военного времени Италии требовалось импортировать 4 млн тонн различной продукции, которые частично можно было покрыть только из Албании — лишь на 2%. Поэтому важнейший аргумент для Италии в пользу альянса с Германией был связан с расчетом на подпитку ресурсами. У Японии такого соседа, как Германия, не было, поэтому вектор экспансии империи выстраивался не столько по меридианам, сколько по конусу месторождений острим на юг. Это, в свою очередь, предопределяло необходимость сильного флота для защиты критически важных линий снабжения, а также вытеснения европейских конкурентов.

Германия не производила ни хлопок, ни резину, ни жемчуг, ни платину, ни бокситы, ни ртуть, ни слюду. Запасы железной руды, меди, сурьмы, марганца, никеля, серы, шерсти и нефти были недостаточны. Во многом, если даже не в основном, нападение Германии на СССР в 1941 г. диктовалось невозможностью ее дальнейшей экономической экспансии на принципах сырьевой самодостаточности. В середине 1930-х гг. подобные иллюзии у немецкого руководства еще имелись, но основа промышленной мощи Германии находилась на ее территории. Не случайно в указаниях ставки А. Гитлера о ведении войны от 9 октября 1939 г. в разделе «Опасности положения Германии» отмечалась «самая большая и самая серьезная опасность»: «Предпосылкой для успешного ведения войны является бесперебойная работа предприятий Рурской области. Любое серьезное нарушение производства в этой области не может быть компенсировано ни в каком другом месте. А это обстоятельство рано или поздно приведет к нарушению военной экономики Германии и, следовательно, к крушению ее военных возможностей. Но это известно и противнику... Чем меньше у Англии и Франции надежд на возможность уничтожения германской армии в серии сражений, тем больше будут оба эти государства стремиться к созданию общих предпосылок для эффективного ведения войны на истощение и уничтожение»²⁹.

Потребность в устойчивой сырьевой базе не ограничивалась только нефтью Румынии, Австрии и Чехословакии, углем Силезии или самым крупным в Западной Европе Лотарингским железорудным бассейном, который обеспечивал сырьем черную металлургию Германии. Чехословакия покрыла Германии дефицит железной руды. Немецкая помощь Испании обернулась льготами в поставках отсюда железной руды и ртути. Финляндия поставляла никель. Синтетические заменители покрыли лишь часть потребностей в шерсти, пятую часть — в резине, треть — в нефтепродуктах.

Для удовлетворения своих нужд в мирное время Германия импортировала 5 млн тонн нефти из Венесуэлы, Мексики, Голландской Индии, США, России и Румынии. В военное время первые четыре поставщика выпадали. Нужды военного времени составляли порядка 12 млн тонн. Только захват румынских нефтяных скважин, производивших 7 млн тон в год, мог покрыть этот дефицит³⁰. Добровольно Румыния не готова была бы так переориентировать поставки нефти в пользу Германии. Кроме того, А. Гитлер был одержим ошущением угрозы советского захвата Плоешти. Существовали и еще два сюжета, повлиявших на нефтяное мировоззрение фюрера: первый был связан с едва не введенным нефтяным эмбарго против

Вид на нефтеперерабатывающие заводы «Стандард» и «Астра Романа» в Плоешти

Италии из-за вторжения в Абиссинию; второй — с освобождением внутреннего нефтяного рынка Германии от господства «Стандард ойл», «Шелл» и других иностранных фирм, среди которых оказалась и сеть бензоколонок, которой владели большевики. История закончилась резким прекращением советских поставок нефтепродуктов в 1936 г. со ссылкой на трудности с иностранными платежами³¹.

Неустойчивость ресурсной базы экономического подъема Германии требовала еще доступа к бакинской и грозненской нефти, углю Донбасса, урану, марганцу, ртути и железной руде Криворожского бассейна, черноземам Украины, рабской рабочей силе, удобным для расселения ландшафтам и сакральным объектам в Крыму, Поволжье и на Кавказе. Эти в основе своей экономические аргументы предопределяли военные планы Третьего рейха. Они были тщательно увязаны с заявками промышленности, деловых кругов, силовых корпораций на конкретные предприятия, месторождения, объекты.

В итоге за разными формами расширения сферы влияния Германии (аншлюс, оккупация, принуждение к союзу) просматривается сугубо экономическая логика — формирование необходимого спектра ресурсных запасов и поставок для экономической и военно-промышленной мощи, осуществления амбициозных технических программ³². Объем награбленных запасов металлов, моторного топлива и других ресурсов в оккупированных странах в два раза превышал объемы годового дохода самой Германии. Одним захватом Чехословакии Герма-

ния получила военные предприятия и имущество 35 дивизий, только в тяжелой артиллерии удвоив свои ресурсы³³. Кроме того, был захвачен и чехословацкий золотой запас (23 тонны золота)³⁴. В целом увеличение экономического потенциала Германии за четыре года после аншлюса Австрии составило по нефти и бокситам — более 20 раз, железной руде — почти в 8 раз, по чугуну и стали — более 2 раз. Почти в 4 раза больше стало у Германии людских ресурсов. Доля контрибуций с оккупированных стран в госбюжете Германии в 1940–1944 гг. непрерывно росла — с 11,4 до 26,4%³⁵.

К моменту нападения Германия превосходила СССР по выплавке стали в 3 раза, добыче угля — в 5 раз, выработке электроэнергии — в 2,3 раза. Всего же страны оси контролировали на 1941 г. треть ресурсов и населения земли³⁶. Цель — установление мирового господства — на этом фоне отнюдь не казалась эфемерной. А. Шпеер заметил в своих мемуарах: «Претензии Гитлера на сверхмасштабность включали в себя... нечто большее: сверхразмеры должны были возвысить его, Гитлера, дело, укрепить его веру в себя. Возведение... монументов преследовало цель заявить о претензиях на мировое господство задолго до того, как Гитлер рискнул вслух сказать об этом своему ближайшему окружению»³⁷.

Помимо энергоресурсов и минералов стратегическое значение имело продовольствие. Как заявил на совещании 20 июля 1941 г. А. Розенберг, «немецкое народное питание в эти годы стоит, несомненно, во главе германских требований на Востоке... Южные области и Северный Кавказ должны будут послужить для выравнивания немецкого продовольственного положения»³⁸. В «зеленой папке» Г. Геринга — «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» (не позднее середины июня 1941 г.) — отмечалось: «Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель компании. Наряду с этим германской военной промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей, насколько это технически возможно и с учетом сохранения промышленности в этих областях... Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли путем приказов, реквизиций и конфискации... Немедленный сбор и вывоз в Германию платины, магния и каучука»³⁹.

Стоит подчеркнуть, что установление оккупационного режима происходило под контролем военно-экономических штабов, развернутых во всей военной структуре Германии. В разгар наступления на сталинградском направлении 8 августа 1942 г. на совещании с руководителями экономических управлений на оккупированных территориях нацистским руководством были поставлены конкретные задачи по продовольственному снабжению рейха. В частности, Франции предписано было поставить 1,2 млн тонн продовольственного зерна, фуражного — 1 млн тонн, 350 тыс. тонн мяса и 6 млн гектолитров вина; Бельгии — 50 тыс. фуражного зерна; Норвегии — 500 тыс. тонн рыбы; России — 3 млн тонн зерна⁴⁰. Очевидно, что обеспечивать такие объемы поставок на сугубо коммерческой основе с независимыми государствами было бы нереально.

Следует отметить, что в августе 1942 г. и Лондон, и Вашингтон всерьез рассматривали сценарии «краха русского фронта» и перспективу длительного доминирования держав оси в мире. Поражение СССР означало ликвидацию на длительный период возможности для США и Англии разгромить Германию⁴¹.

Экономическим основанием для перспективы мирового господства Германии служила ее ожидаемая минерально-сырьевая обеспеченность: советские месторождения энергоносителей и стратегических минералов, продовольственный потенциал и перспектива выхода на Средний и Ближний Восток — к Ирану и Индии были существенным дополнением к имеющемуся у агрессора к началу нападения на СССР потенциалу. В приказе народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. был сделан акцент на трагической ресурсно-экономической подоплеке складывающейся обстановки: «Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет

в избытке... Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны... Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди... Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба... Если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог»⁴².

Даже с учетом предприятий и людей, которых успели эвакуировать в восточные районы СССР, и запасов, которые успели вывезти или уничтожить, Германия за первый год войны получила серьезное приращение ресурсно-экономического потенциала, включая также захваченную военную технику и пленных. Сальдо приобретений и потерь было явно положительным и позволяло еще ставить стратегические цели всей кампании против СССР. Правда, уже в декабре 1941 г. в докладной записке начальника управления военной экономики и военной промышленности Германии отмечалось, что имеются некоторые резервы для удовлетворения более высокого спроса вермахта: сосредоточение производства на решающих видах орудий, техники и боеприпасов; решительный переход на заменители; упрощение конструктивных элементов и методов производства и уменьшение веса. При этом говорилось, что таких мер самих по себе «ни в коем случае не будет достаточно, чтобы при прежнем уровне обеспечения сырьем выпускать оружие, технику и боеприпасы в объеме, позволяющем восстановить полную боевую мощь»⁴³. В 1943 г. наибольшее сопротивление Красной армии вермахт оказывал в ключевых добывающих районах — Донбассе и Никополе. В 1944 г., когда был открыт второй фронт и Красная армия вышла к довоенным границам, именно сохранение главных источников топлива и сырья диктовало военные решения вермахта⁴⁴.

У Советского Союза, строго говоря, не было экономических интересов, которые толкали бы его на агрессию. Весь межвоенный период проходил в неиссякаемом ожидании внешней агрессии, к которой, как это ясно осознавало советское руководство, страна не была готова. Главный экономический интерес СССР в межвоенный период состоял в том, чтобы успеть осуществить индустриализацию народного хозяйства, создав современный военно-промышленный комплекс. Реализация этой цели требовала форсированного импорта оборудования, технологий и технической помощи. Равнопорядковые задачи включали также обеспечение мобилизационных запасов и продовольственной безопасности, вызывавшее необходимость проведения ускоренной коллективизации сельского хозяйства, а также финансового восстановления. К концу 1930-х гг. все эти стратегические задачи были в основном решены: сформирована новая энерго-сырьевая база, созданы новые промышленные районы на востоке, проложены новые стратегические магистрали, сформирована самостоятельная финансовая система и золотовалютные резервы. Ни одна из этих задач и их решений не провоцировала агрессивных мотиваций. Более того, по добыче минерального топлива Россия, даже после индустриализации, отставала от Германии и Великобритании и особенно от США⁴⁵.

Рассматривать экономические интересы СССР во Второй мировой войне нельзя без обращения к российской логике геополитического и геоэкономического поведения, складывавшейся за многие десятилетия до Великой Отечественной войны. Для России, отставшей в модернизации, переживавшей растущее внутреннее напряжение от быстро увеличивавшегося населения при нерешенном аграрном вопросе, геоэкономический выбор складывался особенно жестко: или остаться «Россией Петра Великого и Екатерины», следующей «всем историческим заветам и преданиям», развивая союз с Францией и Англией, или войти в «полное и бесповоротное подчинение Германии».

Представление о характере «вековых экономических устремлений» России дает записка министра иностранных дел России С. Д. Сазонова от 5 марта 1916 г. в ходе подготовки по-

зиции России на Экономической конференции союзных государств в Париже⁴⁶, в которой указаны ключевые моменты, сохранившие значение вплоть до окончания Второй мировой войны и даже далее.

Во-первых, «настоящая война⁴⁷ ознаменована, в отличие от всех предшествующих войн за последние столетия, глубоким вторжением всех воюющих государств в сферу частных прав неприятельских подданных», вплоть до ликвидации неприятельских предприятий. Отсюда — интерес в том, чтобы после войн не были предъявлены какие бы то ни было требования в отношении осуществленных мер в отношении неприятельских частных прав. Как ни парадоксально, именно эта проблема стала важнейшим вызовом для Советской России, затронув также и частные права граждан бывших союзников.

Во-вторых, охранение «совокупности имущественных интересов русских и союзных подданных в пределах неприятельских государств».

В-третьих, заинтересованность в предоставлении на парижском и лондонском рынках коммерческого кредита «в видах облегчения взаимных расчетов, вызванных нуждами промышленности и торговли». Интерес сохранялся вплоть до развертывания холодной войны.

В-четвертых, отмена союзными державами запрета на вывоз некоторых необходимых нам продуктов и предметов (селитра, станки, химические продукты, металлы, поковки, шерсть). Интерес устойчиво сохраняется вплоть до наших дней.

В-пятых, «борьба с засильем неприятеля» в некоторых нейтральных странах, например, в Китае.

В-шестых, меры по обеспечению потребности союзных держав в сырых материалах, орудиях производства и продуктах.

В-седьмых, меры к ограждению союзных рынков от наплыва произведений неприятельских стран, прежде всего Германии⁴⁸.

В-восьмых, установление эффективных железнодорожных тарифов.

В-девятых, привлечение иностранных капиталов.

В-десятых, меры по закреплению после войны дружественных и нейтральных рынков за продуктами союзных держав, включая развитие торгового флота.

Главное, что было сформулировано как фундаментальный экономический интерес России в ходе Первой мировой войны, начале 1920-х гг. и, в конечном счете, в целях индустриализации — избежать «экономического, а затем и политического порабощения более сильными и политически более расчетливыми соседями... Надо искать выход в развитии снабжения промышленности своим сырьем»⁴⁹.

Тот факт, что по мере формирования современной армии и обострения кризиса в Европе и на Дальнем Востоке Москва стала претендовать на расширение сферы своего влияния (Финляндия, Прибалтика, восточные районы Польши, Бессарабия, Болгария, Иран, Сахалин и Курилы), стремилась обезопасить выходы из Балтики и продвинуться в сторону Черноморских проливов, скорее относится к восстановлению традиционной сферы влияния и военно-стратегическим, нежели сугубо экономическим интересам. Разумеется, гарантирование доступа в Северное море, Средиземноморье, к южным морям, а также дальневосточные коммуникации — все это имело не только военное значение. Это тот случай, когда геоэкономика не может не быть геополитикой. С началом Великой Отечественной войны все эти военно-стратегические факторы постепенно приобретали экономический функционал, прежде всего возмещение материального ущерба, нанесенного фашистской агрессией, а также получение оборудования, технологий, разработок и специалистов.

Второй экономический узел мирового противостояния — борьба за пути доступа к важнейшим ресурсам, за коммуникационные магистрали. Транспортный комплекс охватывает помимо железных и автодорог, воздушных и морских трасс, также и трубопроводный транспорт, связь, частотный ресурс и прочее. В некотором смысле контроль над транспортными артериями является самоцелью. Достаточно вспомнить коллизии вокруг КВЖД и железной дороги Берлин — Багдад, Канала кайзера Вильгельма, поперечных дорог между восточным и западным побережьями Африки, Босфора и Дарданелл, Данцигского коридора, Суэцкого

и Панамского каналов, Гибралтара, Мальты, Ормузского пролива, трансокеанских трасс, нефте-, газо- и водопроводов и прочего.

Выстраивание и функционирование основных мировых стратегических магистралей, которое пришлось на конец XIX и весь XX в., сопровождалось нарастанием конфликтности между ключевыми стратегическими игроками. Контроль коммуникаций с сопутствующим извлечением транзитной ренты мотивировал стороны едва ли не во всех военных конфликтах в истории человечества. Достаточно небольшое количество «хабов» и связей между ними формировало и удерживает сегодня глобальную коммуникационную сеть⁵⁰. Контроль коммуникаций определял столкновение интересов всех империй, доводя их часто до вооруженного конфликта. В XIX в. «владычицей морей» стала Великобритания. Ее военно-морской флот превосходил мощь (тоннаж) всех других держав вплоть до 1920-х гг. Вызов, брошенный ей в начале XX в. Германией, начавшей стремительно строить свои военно-морские силы, послужил важнейшим детонатором Первой мировой войны. Дело было не только в балансе военной мощи, но и в том, что раскинувшаяся по всему миру британская сеть также служила и ее энергетической базой, опиравшейся на уголь.

Полная интеграция военного и военно-экономического планирования стратегии Германии предусматривала тщательную увязку военных операций авиации, флота и сухопутных войск с захватом, поражением или защитой производственных объектов, коммуникаций, обеспечивающих поставку источников питания и сырья. Так, в «Директиве по борьбе с экономической мощью противника» указано: «Поскольку в случае войны с Англией Германия лишится своих атлантических коммуникаций... подготовить в первую очередь следующие мероприятия: усиленный обмен товарами с Италией; усиленный импорт из юго-восточного пространства; экономическое обеспечение отдельных поставок из Скандинавии, а также перенос перевалочных пунктов... в порты Южной Швеции; связанные с этим внутригерманские перемещения в экономике и порядок движения по коммуникациям»⁵¹.

Однако причины войн не исчерпываются проблемами доступа к ресурсам, рынкам и транспортным артериям. В конце концов, сами по себе эти проблемы не предполагают именно военного решения. Вместе с тем войны все чаще выступают способом разрешения кризиса валютно-финансовой системы. Мировая система торговых и валютно-финансовых отношений имеет длительную историю, однако для понимания сути кризиса, вызвавшего обе мировые войны, важно проследить логику ее циклической эволюции после начала промышленной революции.

В каждом цикле складывается своя структура мировой монетарной системы, обеспечивающая мировой экономический рост на данном этапе развития. В XIX в. это была система, основанная на «золотом стандарте», «жестком курсе валют» и, главное, британском технологическом и экономическом превосходстве. Так, душевой валовой внутренний продукт (ВВП) в Британии составлял в 1820 г. 2121 доллар (в пересчете на 1990 г.), заметно опережая и прежнего мирового лидера — Нидерланды (1821 доллар), и будущего — США (1257 долларов), Германия как единое государство в тот момент на карте мира вообще отсутствовала. Франция имела близкое к США значение — 1230 долларов⁵². Британский фунт стерлингов выступал в качестве мировой валюты, а золото — в качестве резерва. В 1913 г. Британия по душевому ВВП уже уступала США — 5150 к 5301, в 1950 г. отрыв США стал еще существеннее — 6907 к 9561. К 1950 г. мировой и резервной валютой после формирования Бреттон-Вудской системы стал уже доллар. Именно этот долгосрочный сдвиг экономической и валютной гегемонии лежал в основе растущих экономических противоречий XX в.

Существенные аспекты роста и упадка британской гегемонии, которой в двух мировых войнах безуспешно бросала вызов Германия, открыв тем самым путь для гегемонии американской, могут быть представлены следующими образом.

Во-первых, Британия стала мировым лидером, прежде всего в техническом прогрессе, повышении знаний и квалификации рабочей силы. Первый пароход появился в 1812 г., а в 1860 г. практически все британские суда использовали уголь как источник питания. Радикальные инновации коснулись не только промышленности, но и сферы услуг, в том числе

связи и банков. Отставание в технологическом развитии служит признаком неизбежного последующего ослабления и экономического влияния.

Во-вторых, существенный вклад в подъем Британии вносил экспорт, темпы роста которого в два раза опережали рост ВВП, а также практическое отсутствие в период 1820—1913 гг. войн, в которые была бы значительно вовлечена империя. В предшествующий период (1688—1815) шесть крупных войн Лондон вел суммарно 67 лет.

В-третьих, стремительно расширялись территориальные владения, ядром которых стала Индия. Общее население империи составило 412 млн человек — в 10 раз больше самой Британии. Открытие Суэцкого канала в 1869 г. резко повысило взаимосвязь регионов империи, сократило дистанцию на 30—40% от основных торговых портов. Быстро строилась сеть железных дорог в метрополии и колониях.

В-четвертых, безопасность империи гарантировалась военным флотом и сетью военно-морских баз (Гибралтар, Мальта, Кипр, Египет, Суэцкий канал, Аден, Гонконг).

В-пятых, была осуществлена широкая либерализация внешней торговли. К 1860 г. были сняты или снижены тарифные ограничения и обеспечены экстерриториальные права иностранцам как в метрополии, так во всех колониальных и зависимых от Лондона странах, включая Китай, Персию, Турцию. При этом де-факто в большинстве случаев банковские, страховые и транспортные услуги были монополизированы британскими гражданами и компаниями, сложилась дискриминация торговли в пользу Британии⁵³. Торговля, экспорт капитала и улучшение коммуникаций стимулировали рост миграции. Всего за период 1820—1913 гг. Британию покинули 12 млн человек.

В-шестых, Британия в этот период стала мировым лидером в вывозе капитала. Среди основных стран-реципиентов ввоза британского капитала на 1914 г. были Канада, Аргентина, Индия, Бразилия, Австралия, Китай, Мексика, Южная Африка. В 1913 г. зарубежные активы Британии были эквивалентны полутора ее ВВП и обеспечивали доход, превосходящий ее внутренний национальный доход⁵⁴.

В итоге к 1913 г. Великобритания подошла во всем блеске своего имперского величия в качестве лидера мирового либерального экономического устройства на основе доминирования фунта стерлингов как мировой валюты, сохраняя позиции технологического лидера по многим отраслям.

Однако сдвиг в балансе мировых экономических сил наступил уже к началу XX в. А полвека, по сути, потребовались для того, чтобы возникли адекватная новому экономическому порядку и соотношению сил валютно-финансовая система и институты мировой торговли. За этот период произошло несколько принципиальных сдвигов.

Во-первых, изменились движущие технологические силы экономического роста. Уголь начал вытесняться нефтью как основным источником энергии, быстро менялись технологии в металлургии и химической промышленности, началась эпоха двигателя внутреннего сгорания. Между 1913 и 1950 гг. США опережали Британию и другие европейские страны по темпам роста производительности труда.

Во-вторых, большой размер внутреннего рынка и бум на финансовом рынке позволил США проводить изоляционистскую политику в 1920-е гг., но Великая депрессия 1930-х гг. привела к росту протекционизма в США, существенно ограничив туда европейский экспорт, и к возвращению значительной части своих зарубежных инвестиций.

В-третьих, в Первой мировой войне Британия понесла существенные человеческие и материальные потери, хотя пропорционально и меньшие, чем Франция, Германия и Россия. При этом размер британских зарубежных активов к концу войны остался прежним, германские активы были конфискованы, две трети французских зарубежных активов утрачены. Получив часть колониальных владений Германии, Британия потеряла большую часть Ирландии. После Первой мировой войны Англия уступила роль главного мирового кредитора США, а Франция свела войну с отрицательным платежным балансом. Все остальные страны выступали исключительно как должники. США по итогам Первой мировой войны имели положительный торговый и платежный баланс. Англия с сильным отрицательным торговым балансом

еще сохраняла положительный расчетный баланс, прочие страны имели отрицательный расчетный баланс. Возросли масштабы эмиссии бумажных денег воюющими странами, и произошло изменение их золотого покрытия. Германия на 1913 г. имела 46,6% золотого покрытия всех бумажных денег, на 1918 г. — 7%; Франция соответственно — 61,9 и 18,1%; Англия — 93,2 и 20,1%; США — 37,7 и 75,3%; Япония — 61,1 и 164,5%; Дания — 43,2 и 62%. В итоге наиболее устойчивыми денежными системами после Первой мировой войны стали японская, голландская, американская, датская и швейцарская⁵⁵. Кроме того, произошло оскудение товарной номенклатуры в большинстве европейских стран⁵⁶. Ликвидация последствий войны в европейских странах заняла большую часть 1920-х гг., тогда как США переживали мощный подъем.

В-четвертых, стремясь восстановить довоенную роль Лондона как мирового финансового центра и эмитента финансовых инструментов, привязанных к фунту стерлингов, Великобритания в 1920-е гг. проводила дефляционный курс, завышавший курс фунта и снижавший конкурентоспособность английских товаров и услуг. Начавшаяся в США депрессия вынудила Лондон провести девальвацию фунта, создать систему имперских преференций, что вело к ограничению экспорта и ухудшению платежного баланса.

В-пятых, начавшаяся Вторая мировая война потребовала от Великобритании напряжения всех ресурсов, продажи значительной части зарубежных активов, материальной, военной и финансовой помощи от США, Канады, Индии и Австралии. Представитель Индии на конференции в Сан-Франциско подчеркнул: «Мы говорим о великих державах и о малых державах; мы говорим об особой ответственности великих держав, а также об особых привилегиях великих держав. Мне бы хотелось представить в надлежащем виде то, что сделала Индия в этой войне. Два с половиной миллиона сынов Индии, солдат со всех концов страны, вступавших в армию добровольно, сражаются в настоящее время в различных частях мира против общего агрессора... Сразу же после великих стран — четырех держав... ближе всех по мощи вооруженных сил к этим четырем державам стоит Индия»⁵⁷.

Вторая мировая война еще больше подорвала экономику империи: война с Германией, захват японцами плохо охраняемых фрагментов империи в Азии, затем финансирование индийского участия в войне не за счет внутренних индийских налогов, как прежде, а привлекая займы. В итоге Индия к концу войны погасила довоенный долг метрополии в 1,2 млрд фунтов и даже скопила резерв в 5 млрд фунтов⁵⁸. В 1947 г. Индия обрела независимость, в 1948 г. Великобритания ушла из Бирмы и Шри-Ланки, затем из африканских колоний. А в 1956 г. вывода английских войск из зоны Суэцкого канала потребовали США. Так завершился процесс смены мирового экономического гегемона.

Период 1914–1945 гг., вместивший в себя множество очагов военных конфликтов и две мировые войны, стал с точки зрения самоорганизации мировой торговой и валютно-финансовой системы периодом поиска новой структуры и базовой валюты. В этот же период произошла и смена технологического уклада. Сущность процесса состоит в том, что «с достижением технологическим укладом пределов роста и падением прибыльности составляющих его производств начинается массовое перераспределение ресурсов в технологические цепи нового уклада. Замещение технологических укладов требует, как правило, соответствующих социальных и институциональных нововведений, которые не только снимают или направляют в конструктивное русло социальную напряженность, но и прокладывают дорогу новому технологическому укладу и соответствующему ему типу потребления и образу жизни»⁵⁹.

Именно в этот межвоенный период США и Германия, опережая Великобританию и Францию, начали переход к четвертому технологическому укладу, чей исторический интервал охватил 1930–1980-е гг. Ядро четвертого технологического уклада составили автомобилестроение и тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, производство и переработка нефти. В его недрах начали формироваться и элементы следующего, пятого уклада: радиоэлектроника, строительство трубопроводов, авиационная промышленность, производство и переработка

газа. Главное экономическое преимущество этого уклада обеспечивало массовое и серийное производство⁶⁰.

Между технологическими инновациями, инвестициями и финансами существует своя сложная взаимосвязь в силу разных механизмов генерирования реального и фиктивного капитала. «Каждая промышленная революция приводила к массовой замене одного набора технологий другим путем прямого замещения либо путем модернизации существующего оборудования, процессов и методов его использования. Каждая включала коренные изменения в жизни людей, организаций и навыках, стремительно ломая сложившиеся привычки. Каждая вела к периоду взрывного роста на финансовых рынках»⁶¹.

Пока предприниматели и новаторы создают новые технологии и новые производства, деятельность «финансовых магнатов направлена на создание водоворотов, всасывающих огромное количество денег для перераспределения в более авантюрные начинания»⁶². Такая финансовая лихорадка, частично инвестируя и новые производства, вздувает цены на активы, создает ажиотаж и атмосферу азарта, а главное — постоянно растущий «финансовый пузырь», все дальше отрывающийся от реального обеспечения. Дальше — коллапс пузыря, кризис и социальные потрясения, если институты регулирования на национальном и международном уровнях оказываются не на высоте положения. Ситуацию хорошо описал английский экономист А. С. Пигу: «В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, существовало несколько употребляемых экономистами метафор... «Деньги — это обертка, в которую завернуты товары»... «Деньги — это вуаль, скрывающая действия настоящих экономических сил»... В течение 1920-х и 1930-х годов... деньги («пассивная вуаль»), приобрели черты злого гения... обертка стала вещью, способной взорваться. В целом деньги из мелочи стали всем... Затем, с началом Второй мировой войны, все снова изменилось. Рабочая сила, оборудование и организация вновь стали первостепенными. Роль денег уменьшилась до незначительной»⁶³.

«Деньги» в 1930-е гг., точнее дисфункции разваливающейся мировой торговой и расчетной системы — накопившиеся и невозвратные долги, неподъемные репарации, отрицательные торговые и платежные балансы, неустойчивые котировки и прочее, действительно, были главной головной болью всех европейских великих держав: и ослабевающего гегемона Великобритании, и Франции, и Италии, и Германии. Рост долгов и объемов бартерной торговли, сокращение мировой торговли стали ответом на дефицит платежных инструментов, роль которых ранее без проблем исполнял золотой фунт стерлингов и привязанные к нему валюты.

Кризис мировой торговли и платежей усугубился резким сжатием денежной массы в США (на треть) после целой эпохи послевоенного ажиотажного спроса на недвижимость и автомобили, перегрева фондового рынка и накачки денежной массы (на 62% с 1923 по 1929 г.), которые закончились крахом в 1929 г. и привели к затяжной депрессии вплоть до вступления США в войну⁶⁴. Курсы акций в США упали в ходе экономического кризиса 1929–1933 гг. на 87%, в Великобритании — на 48%, в Германии — на 64%, во Франции — на 60%. Около 16 тыс. американских банков разорились. Это был глобальный коллапс для мировой торговли и платежей⁶⁵.

Меры, предпринятые администрацией США в рамках «нового курса» смягчили некоторые проблемы. С 1933 по 1937 г. расходы федерального бюджета выросли вдвое, резко усилилась концентрация банковского капитала: 10 банков теперь контролировали половину банковских активов США. Но только вступление во Вторую мировую войну принесло США полную занятость и рост промышленного производства, а главное — произошла концентрация капитала в руках немногих американских финансовых кланов. На фоне явной дисфункциональности мировой торговли и платежной системы это позволило им совместно с лидерами политической элиты сформулировать практическую цель по изменению глобальной финансовой архитектуры, институтов мировой торговли и обеспечения безопасности. Этот революционный сдвиг предельно ясно выразил и осуществил Ф. Рузвельт: «Главные американские послевоенные интересы ныне заключаются не только в обеспечении преобладания в западном полушарии, но и в предотвращении попадания восточного полушария

в зону контроля одной потенциально враждебной державы»⁶⁶. Параллельно с этим была осуществлена реформа налоговой и бюджетной системы США, а также существенно улучшена организационная инфраструктура учета производства и финансовых потоков.

Таким образом, уже на рубеже XX в. стала складываться напряженная ситуация в системе международных расчетов. Увеличивающийся объем мировой торговли не был обеспечен адекватной системой международных расчетов. Предложение мировых денег и мировых резервных средств не отвечало росту торгового оборота между странами, в центре которого стояли лидеры промышленно развитых стран: Великобритания, Франция, Бельгия, США, Япония, Германия и Канада. До начала XX в. фунт стерлингов, обеспеченный золотым запасом Великобритании, справлялся с задачами обслуживания товарных потоков и движения капитала.

Обеспечивать рост объемов мировой торговли фунт не смог ввиду несоответствия золотого запаса и выросших объемов торговли. С середины 1890-х гг. Англия стала вводить торговые ограничения. Другие страны отреагировали сокращением импорта, введением пошлин и эмиссионным удешевлением производимой и экспортируемой продукции. Постепенно лидерство в торговле в структуре мировой экономики взяли на себя США, которые уже до Первой мировой войны стали основным мировым нетто-экспортером. Однако в 1913 г. доля фунта в международных расчетах все еще достигала 80%⁶⁷. Хотя доллар США, опираясь на экономическую мощь, был уже потенциально готов к замещению фунта стерлингов в системе международных расчетов, США не обладали надлежащим золотым запасом для полноценного резервирования и обмена валют в мире. Не была достаточно развита и необходимая финансовая структура. Но существенно, что к 1928 г. лишь ФРС США 100% валютных резервов формировала за счет золота, в отличие от Англии (10%).

В поисках эффективной системы расчетов на конференции в Женеве в 1922 г. были достигнуты договоренности о введении золотодевизного стандарта, в которой платежным и резервным средством были валюты США, Британии, Франции и золото, к которому были привязаны курсы валют. При этом вся система мировой торговли была разбита на несколько соответствующих валютных зон. По существу, была осуществлена попытка опереться в расчетах на золотой запас ведущих стран мировой экономики. Однако в этой системе отсутствовали наднациональные институциональные возможности взаимного регулирования условий международной торговли и возможности кредитоваться в валютах расчета для поддержания международной торговли и платежных балансов. Каждая страна вводила самостоятельные правила импорта (в основном ограничения на ввоз товаров) и экспорта. Несогласованность вела к ухудшению ситуации в системе международных расчетов и торговли. Дефицит платежных средств был велик, усугубляясь административными ограничениями на операции с валютой. Ситуацию значительно ухудшали отсутствие полноценной системы курсов и общая турбулентность на валютно-финансовых рынках, а также распространение бартера.

Между войнами оставались лишь три золотых валюты: доллар США, фунт стерлингов Великобритании, франк Франции. Но с началом экономического кризиса прокатился каскад обесценивания валют. Первыми рухнули валюты аграрных и колониальных стран, затем — Германии, Австрии и еще 23 государств. Германии не осталось иного пути, кроме увеличения степени автаркизации. 21 сентября 1931 г. был прекращен размен фунта на золотые слитки, вызвавший крах привязанных к фунтовому аугарам валют Индии, Малайзии, Египта и других стран; в 1933 г. девальвирован доллар с попутной конфискацией золота у физических и юридических лиц; в 1936 г. потерял золотое обеспечение франк. Все это сопровождалось бесконечными валютными и торговыми войнами, дроблением мировой валютной системы на блоки⁶⁸.

Таким образом, к 1936 г. система мировой торговли и расчетов практически разрушилась, уйдя преимущественно в двусторонние и бартерные операции. Выстроив к началу XX в. международное разделение труда, ведущие мировые державы своей несогласованной внутренней (в части инфляционного финансирования экономического роста) и внешней (в части введения торговых ограничений на импорт и отсутствия возможности регулирова-

ния платежного баланса) политикой на межгосударственном уровне подготовили условия для каскада кризисов мировой экономики. Последовавшая Великая депрессия обрушила экономики США и их основных торговых и финансовых партнеров — Великобритании и Франции. Так, в США объем производства в 1936 г. составлял 60% от уровня 1929 г.⁶⁹ Резкий рост экономической мощи США в начале XX в. позволял им установить контроль над Западной Европой уже к 1919 г. США должны были занять место Великобритании как главы мира, согласующего мировую торговлю, инвестиции и расчеты. По сути, от США требовалось осуществлять стабилизирующее лидерство⁷⁰, однако этого не случилось. В первую очередь потому, что в 1920-е гг. в структуре мировых резервов иностранной валюты на фунт стерлингов еще приходилось 77% (47% — в 1913 г.), доллар занимал второе место — 21%, удесятерив свою долю после 1913 г.⁷¹

Более важно то, что это был эпохальный для США вызов — первого вторжения США в мировую политику. Как подчеркнул в конгрессе В. Вильсон: «Вооруженный империализм тех, кто вчера был хозяином Германии, повержен, их незаконные амбиции завершились тяжёлым поражением. Кто осмелится оживить эти амбиции?» Президент США понимал, что необходимо установить новую систему мировых политических отношений, сделав американизм основой миропорядка. Для этого требовалось разрушить мир колониальных держав, модернизировать его и создать своего рода мировую парламентскую систему⁷².

В конечном итоге, реализации этой вызревающей миссии США помешали не только установка их влиятельных кругов на изоляционизм, но и сопротивление, и взаимное противоборство других все еще могущественных держав, прежде всего Англии и Франции, принцип самоопределения малых народов, породивший множество последствий, а также «проблема России». Но главный узел противоречий в тот решающий момент, который мог бы обеспечить уход от перспективы новой войны, затягивали два предельно конкретных вопроса: сохранение колониальной системы и репарации с Германии, включая перераспределение ее колоний. Суть противоречия заключалась в том, что «на деле же озлобленные победители просто жаждали материальной помощи США, но еще больше — материальной компенсации за счет Германии. Союзников возмущало, что держава, вступившая в войну последней и понесшая относительно других наименьшие потери, стремится диктовать свои условия»⁷³.

Версальский мир, принудивший Германию к множеству обязательств, стал одновременно и миной замедленного действия, предвещающая неизбежность реванша⁷⁴. Столь сильные факторы, как выпадение Германии и России из нормального торгового оборота, неурегулированные долговые проблемы, внутреннее социальное напряжение, вели к усилению дезорганизации потоков международного капитала, дезорганизации обменных курсов, росту протекционизма, усиливали склонность тогдашних акторов к силовому разрешению противоречий и ограничений суверенитета.

Для стабилизации национальных экономик и нормализации и возобновления роста мировой торговли требовалось кардинально решить несколько важных вопросов. Прежде всего необходимо было создать, согласовав весьма противоречивые экономические интересы, международно-признанные инструменты и институты, которые бы обеспечили регулирование тарифов и торговли и позволяли кредитовать платежные балансы стран во избежание повторения экспорта инфляции. И самое важное — требовалось найти решение для обеспечения международной торговли платежным средством и мировым резервным средством, а также разработать такую систему обменных курсов, которая была бы эффективна достаточно долгий период времени, по крайней мере 25–30 лет.

Межвоенные международные конференции и переговоры, включая и опыт работы Лиги Наций, ярко продемонстрировали тот факт, что способность ведущих держав найти взаимовыгодные решения явно оставляла желать лучшего. Должны были сложиться условия для принуждения правительств ведущих стран, прежде всего Великобритании и Франции, не только к плодотворной и конструктивной дискуссии по ключевым вопросам международных отношений, торговли, расчетов и инвестиций, но и к созданию реально дееспособных международных институтов, которые бы отразили доминирующую экономическую роль США.

Вторая мировая война на деле стала способом демонтажа устаревшей мировой системы, парализующей торговлю и сотрудничество. Таким образом, важнейший экономический результат Второй мировой войны, гораздо более важный, нежели «распад всеобъемлющего, единого мирового рынка», — создание коалицией победителей системы наднациональных институтов нового поколения. Бреттон-Вудское соглашение 1944 г. предусматривало создание Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР) (1945–1946), Генерального соглашения по тарифам и торговле (General Agreement on Tariffs and Trade — ГАТТ, ГАТТ, 1947 г.) и системы международных расчетов, основанных на долларе США как мировом платежном и резервном средстве. Были установлены фиксированные в определенном коридоре валютные курсы, восстановлена связь ключевых валют с золотом и определена его фиксированная цена. К 1945 г. США аккумулялировали, по разным оценкам, от 70 до 85% мировых золотых запасов.

При этих условиях Федеральная резервная система США (ФРС), созданная накануне Первой мировой войны, становилась эмитентом мировой платежной валюты и, по сути, «центральный банк» мировой экономики. В этом смысле именно ФРС и ее частные владельцы становилась главным бенефициаром страшной войны. Доходы ФРС складывались как от эмиссии наличных денег для всей мировой платежной системы (в виде разницы стоимости выпуска одной банкноты и ее номинала — сеньораж), так и от процентных платежей по предоставляемым займам в мировом масштабе. Следует подчеркнуть, что ФРС была создана в 1913 г., когда США обогнали по объему производства и экспорта Великобританию. После Первой мировой войны ФРС могла бы играть роль единственной опоры мировых расчетов, но не имела надлежащего объема золотых запасов. Эту задачу решили сначала «новый курс» с принудительным изъятием золота у населения США, а затем и Вторая мировая война.

Заслуживает внимания и такой существенный аспект, как место СССР и Германии в межвоенное время в международном разделении труда. В СССР в 1920-е гг. утвердилась хозяйственная система с минимальным объемом экспорта, покрывающая импорт преимущественно инвалютным золотым рублем. Западные страны, по сути, объявили экономический бойкот Советской России. Правда, советские представители внешней торговли весьма успешно решали задачи по критически важному импорту⁷⁵. И Германия, и СССР стремились не только восстановить экономику, промышленность и армию, но и, как следствие, восстановить нарушенную «геополитическую справедливость» по итогам Первой мировой войны, забрать обратно потерянные в результате Первой мировой войны земли. У Германии позже появились более амбициозные планы мирового господства, а СССР, напротив, постепенно исключил коминтерновские идеалы из своего арсенала⁷⁶. Обе страны выстроили новые системы стимулирования экономического развития с сильным вмешательством государства, в советском случае — вплоть до централизованного директивного планирования, распределения и перераспределения. Великая депрессия и прогрессирующее расстройство системы международной торговли и расчетов в конце 1930-х гг. мало затронули и Германию, и СССР.

Таким образом, к концу 1930-х гг. в мире было несколько крупных держав, недовольных сложившимся положением вещей в мировой экономике. Великобритания стремилась вернуть себе статус главной мировой империи. Имея разветвленную и потому уязвимую сеть поставок сырья, Лондон должен был удерживать глобальное военно-морское присутствие. США как ведущая экономика в мире, войдя в Великую депрессию и оградив свой рынок, были фундаментально заинтересованы в полной либерализации мировой торговли и ликвидации колониальных преференций. Расстройство мировой платежной и торговой системы не позволяло США воспользоваться своим доминирующим положением в промышленном производстве и экспорте. Германию не устраивало дискриминационное положение в структуре международной торговли и международных экономических и политических отношений. Наднационального инструмента бесконфликтного решения данных проблем не существовало. Бесплодность Лиги Наций оставила мир наедине с соперничеством нескольких держав, руководство которых имело личный опыт военного разрешения противоречий.

Но от мировой войны мир еще отделяли поэтапные шаги по силовому разрешению локальных проблем, в особенности по периметру границ Германии, отвергнувшей ограничения Версаля. Шаг за шагом сложилась ситуация, способная разрубить туго завязавшиеся узлы предвоенного миропорядка, лишённого какого-либо наднационального института урегулирования противоречий. За решением А. Гитлера все-таки напасть на Польшу, Францию и СССР стоит изменение международных условий. В английских правительственных кругах было немало тех, кто благожелательно относился к идее поворота агрессивных замыслов фюрера на Восток. Визит лорда Галифакса в Берлин в ноябре 1937 г., отставка министра иностранных дел А. Идена после споров с Н. Чемберленом в феврале 1938 г. — «эти события ускорили действия Гитлера»⁷⁷. Англия и Франция спокойно приняли аншлюс Австрии, Н. Чемберлен помогал навязать условия Чехословакии при пассивности Франции.

Политика колебаний и умиротворения при неадекватных оценках потенциалов сторон создавала шаг за шагом новый уровень притязаний Германии. «Если позволить кому-либо нагревать паровой котел до тех пор, пока давление пара превысит опасный уровень, ответственность за взрыв ляжет на человека, разрешившего такой нагрев»⁷⁸. «Котел» в итоге взорвался. Причины войны с Англией и СССР, придавшие экспансии Германии глобальный статус, выделись фашистскому руководству в весьма широком контексте, за которым стояли детально разработанные экономические замыслы и директивы.

Суть же официальных претензий А. Гитлера к СССР и Великобритании, зачитанных Г. Геббельсом утром 22 июня 1941 г. по германскому радио, сводилась к тому, что Англия помешала консолидации Европы в борьбе с СССР. Эта политика Англии, по мнению фюрера, традиционна и восходит к подавлению Испании, Голландии, Франции, а также к политике начала XX в., когда Англия начала «окружение» тогдашней Германской империи. Припомнил А. Гитлер и заявление У. Черчилля в 1936 г., что Германия становится «слишком сильной и поэтому ее нужно уничтожить». А. Гитлер нарисовал картину поверженной в 1918 г. Германии, нищеты и нужды, позорного неуважения к народу, вспомнив попутно Ж. Клемансо с его словами о 20 млн лишних людей в Германии, которых «нужно устранить с помощью голода, болезней или эмиграции». Он также охарактеризовал и состав противников — «эгоистическую всемирную коалицию богатства и власти», и состав своих союзников — из числа народов, «которым тоже не повезло» и которым «даже формально запрещалось право... на свою долю в богатствах этого мира».

Более естественно то, что определено в секретной «Директиве о борьбе с экономической мощью противника (экономической войне) и о мерах защиты отечественной экономики» (приложение IV к директиве верховного командования германских вооруженных сил № 37/39 от 10 мая 1939 г.): «Задача сухопутных войск может состоять в расширении германского жизненного пространства путем захвата территорий противника, имеющих особое значение для отечественной экономики... Предпосылкой для ведения экономической войны по единому плану являются единые критерии оценки экономики противника... Виды вооруженных сил во взаимодействии с верховным главнокомандующим (военно-экономический штаб и управление разведки и контрразведки) готовят данные для своих действий и передают в военно-экономический штаб верховного главнокомандования информацию, способствующую выработке общей военно-экономической оценки государств противника... Если предполагается продвижение немецких войск на территорию противника, то высшим войсковым штабам... надлежит установить, какие экономические объекты и сооружения службы снабжения на территории противника следует сохранить для их последующего использования в собственных интересах»⁷⁹.

Таким образом, Германия, на уровне риторики и идеологии жаждавшая мирового господства, ввиду имевшихся экономических ограничений могла стремиться только к достижению выгод первого порядка, которые ей были доступны и на основе вполне мирного сотрудничества. Однако расстройство мировой торговой и финансовой системы, как условие, и взявшие верх ошибочные трактовки своих подлинных интересов у элит Германии, Англии и Франции, как движущая сила, направили агрессию Германии по пути, не имевшему шансов на успех в случае длительной войны на экономическое истощение.

Современный взгляд на экономические последствия войны

Главный выигрыш США во Второй мировой войне — обеспечение возможности единоличного контроля институтов мировой валютно-финансовой и торговой системы. Необходимость сохранения этой возможности вне зависимости от уровня экономической мощи и роли США в мировой экономике потребовала создать силовой инструментарий, дополняющий контроль мировой валютной системы и позволяющий навязывать свою волю другим странам. Комплекс этих инструментов включает в себя контроль важнейших валютно-финансовых и коммуникационных инфраструктур, нормативного поля, инфраструктуры и контента средств массовой информации и Интернета, поставки вооружений и военной техники, управление доступом к космическим технологиям, неэквивалентную продажу инноваций, перенос энергоемких и неэкологичных производств в менее развитые страны, торговлю квотами на выбросы углекислого газа, манипулирование ценами и структурой поставок сырья, энергоресурсов, воды, медикаментов и продовольствия, контроль пандемий, а также манипулирование объемами денежной массы, производных финансовых инструментов, курсами валют, ценой на золото, контроль офшорных зон и отмывания денег и прочее.

Фундаментальный экономический смысл этого набора рычагов — уравновешивание инфляционной финансовой накачки американской экономики и связанных с ней экономик⁸⁰, означающее подведение под избыточную массу финансовых инструментов реальных товарных ресурсов. В 1970-е гг. такую функцию стала играть нефть, связавшая долларовую массу, затем «резервная валюта» обрела авторитет за счет обеспечивающего ее товарного и разнообразного организационного капитала. Все это придает американскому финансовому «мыльному пузырю» вполне реальное наполнение. Оно и проявляется в виде американских инвестиций в другие страны, в первую очередь в страны Евросоюза, в стимулировании американского спроса на импорт, принудительной корректировке параметров стратегически важных производств, поставок и коммуникаций в Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Югославия, Судан и другие страны, контекстном управлении эволюцией потенциалов как союзников, так и противников. В результате выгоду от американского «мыльного пузыря» получают не только США, но и широкая коалиция государств и негосударственных заинтересованных сторон.

В такой экономике борьба за власть над инструментами глобального регулирования экономической активности в предельной формулировке — это борьба за мировое господство, за власть над умами и поведением всего человечества, его ценностями и смыслом существования. В прагматическом ключе речь идет о решении задач удержания контроля и стимулирования роста целевых зон экономической активности для концентрации стратегических товарных и финансовых ресурсов. При этом балансировка циклически нарушаемого равновесия финансового и реального секторов может длиться довольно длительное время. В частности, нынешний дисбаланс беспрецедентен, он бьет исторические рекорды уже более 15 лет.

В кризисе как управляемом стихийно протекающем процессе⁸¹ чередуются активные и пассивные фазы. Они модулируют управляющее воздействие на поведение экономических агентов, мониторинг их реакции — шок, стресс, адаптацию, релаксацию и новую корректировку для выведения системы в желаемое временно устойчивое состояние. Ключевой момент активной фазы кризиса — это заранее спланированный и организованный момент сжатия финансовой массы, дающий импульс нарастающей волне требований возврата займов по кредитной цепочке, что в итоге упирается в невозврат долгов из-за невозможности перекредитования. Далее начинается запрограммированная перегруппировка активов и облика финансово-банковских корпораций на фоне панического шараханья из стороны в сторону дезориентированной массы индивидуальных и корпоративных инвесторов.

Когда, наконец, «сигнал затухает», то предстает новый уровень и конфигурация концентрации капиталов, добровольно-принудительная картелизация американских и других

корпораций и секторов. Именно это и имелось в виду при выработке стратегии текущего глобального кризиса. Однако стратегический замысел этим не исчерпывается, как это было и в случае с Великой депрессией. Для выхода США на лидирующие позиции в западном мире потребовалось участие в большой войне с соответствующим стимулированием реального производства и перекраиванием мировых финансовых и товарных рынков. Но войну эту сами США начать не могли. Эту привилегию должны были взять на себя другие ущемленные участники мировой политики и экономики.

Перечень событий, которые и сегодня втягивают мир в новый мегахонфликт, во многом повторяет предысторию Первой и Второй мировых войн. Однако сегодня есть основания полагать, что началась новая холодная война. Когда она на самом деле началась и прерывалась ли вообще — эти вопросы требуют прояснения. Ведь постоянное, пусть и циклическое сползание мира в новую бойню свидетельствует о том, что ни причины, ни мотивы, ни стиль разрешения противоречий не изменились. Повторяемость войн — сначала двух мировых, затем холодной и теперь имеющиеся признаки новой холодной войны — свидетельствует о наличии некоего устойчивого механизма, с определенной периодичностью выводящего человечество в состояние военного конфликта.

Основным выгодоприобретателем такого способа мирового развития, очевидно, является мир Севера, он же — Западный мир во главе с США и опирающиеся на их государственные структуры глобальные кланы. Поскольку политика действительно выражает экономические интересы, хотя и не исчерпывается ими, то именно перераспределение производственных ресурсов и возможностей потребления стоит за стратегиями поведения ряда основных мировых акторов.

Если ключевые ресурсы находятся в странах Юга (энергосырьевые, людские, транзитные), то технологические, военные и институциональные ресурсы в ходе мирового развития сосредоточились преимущественно в странах Севера. В мирной парадигме это выглядит как естественная основа обмена, торговли, сотрудничества, гармонии цивилизаций. В иной парадигме такое неравномерное распределение возможностей, может быть, и является поводом для силового перераспределения, эксплуатации и агрессии. Будучи изначально нарушением естественного распределения ресурсов, эта политика неизбежно оснащается силовым инструментарием. Века колонизации европейскими державами наглядное тому свидетельство. От них остались не только неравномерность развития стран и регионов, но и культура силового решения экономических в своей основе проблем.

К Первой мировой войне вел длительный путь, истоки которого обнаруживаются в вероятно быстром взлете Германии, консолидации США и имперской гегемонии Великобритании, а также дискриминированном положении России — после поражения в Крымской войне, и Франции — после поражения 1871 г. Решение внутренних проблем основными великими державами за счет колонизации мира быстро привело их к столкновению в основных точках пересечения интересов и коммуникаций. Вторая мировая война во многом доигрывала сюжетные партии, обозначенные итогами войны 1914—1918 гг. Очевидна и связь холодной войны и итогов Второй мировой войны.

Только когда обнаружился один победитель всех трех войн, стали очевидны вся партитура вековой драмы, ее главный стержень и главная модель победы. Она не сводится к военной силе. Именно на эти 100 лет приходится триумф кредитно-долговой модели экономического и технологического развития, которая позволила США совершить рывок к статусу нынешнего мирового гегемона, единственной сверхдержавы.

Россия в этом контексте устойчиво однообразно выступала по большей части в роли мирового донора. Еще до начала Первой мировой войны Россия, демонстрируя высокие темпы роста экономики и населения, оказалась в сильной долговой зависимости от Франции и Великобритании, а затем и США. Тем самым, по существу, произошло изъятие финансовых и материальных ресурсов, территорий и знаний из России, усугубленное революциями и Гражданской войной, последующими попытками мировой революции, эмиграцией значительной части квалифицированных специалистов⁸². Вторая мировая война также была для России

временем колоссальных потерь населения и материальных ресурсов. Масштаб материального ущерба, понесенного СССР в Великой Отечественной войне, оценивался в 128 млрд долларов⁸³. Масштаб репарационных претензий к поверженной Германии оценен в 20 млрд долларов, из которых СССР претендовал на половину, но и она не была в итоге получена.

Кризис 1973 г. вывел отношения СССР и США в фазу разрядки, сопровождавшуюся началом поставок нефти и газа в Европу, подсаживанием на «кредитную иглу» западных стран, началом новой «утечки мозгов» и растущим заимствованием технологических решений с латентной выплатой технологической ренты. После ввода советских войск в Афганистан опять началась блокировка возможностей развития страны. Разрушение СССР дало новый импульс изъятию финансовых, людских и материальных ресурсов из страны. Кризис с 2008 г. — по настоящее время оборачивается тем же эффектом. Во всех случаях обнаруживается прямая связь экономического роста в США с втягиванием России в военно-политические конфликты. Усиление напряженности дает Западу основания для наращивания военных расходов, загрузки предприятий военно-промышленного комплекса и военного присутствия США в значимых регионах, а соответственно, создает условия для ускоренного замещения устаревающего технологического уклада. Механизм выхода из кризиса срабатывает по одному шаблону: сжатие и сжигание денежной массы в ходе кризиса и конфликта, затем и отчасти параллельно — наращивание денежной массы для посткризисного роста, таргетированного под новые отраслевые и технологические цели.

Во всех истоках и результатах войн столетия просматривается несколько общих характеристик и этапов стратегии российских оппонентов⁸⁴.

Во-первых, создание новых государственных образований, претендующих на новую идентичность и роль в международных отношениях. Для Второй мировой войны ту же роль играло переформатирование Германии из Веймарской республики в Третий рейх, структурирование стран на базе бывшей Австро-Венгерской, Османской и Российской империй. Для холодной войны эту же роль играли образование ФРГ, ряда стран Азии — две Кореи, два Вьетнама, Тайвань и другие. В последние годы можно было наблюдать аналогичный процесс: Косово, искусственное сохранение обанкротившихся режимов в Грузии, Молдавии, на Украине, разделение Судана, «Новый халифат» с переформатированием границ на Ближнем Востоке, центробежные тенденции в ЕС и отдельных европейских странах.

Во-вторых, возвращение агрессивных политических общностей. В Германии накануне Первой мировой войны — множество полувоенных и политических обществ, нацеленных на германскую военную экспансию с последующим получением ими большинства в парламенте. Перед Второй мировой войной — содействие передаче власти фашистским режимам в Германии, Италии, Испании, а также милитаризации Японии. В годы холодной войны — создание инфраструктуры НАТО, помощь Китаю для противодействия СССР в третьем мире и создания военной угрозы СССР на Дальнем Востоке, острое соперничество в странах третьего мира. В 2014 г. — государственный переворот на Украине, формирование полностью зависимого политического режима, совершение преступлений против человечности. Появление вооруженной группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), начавшей вооруженную экспансию в ближневосточном регионе. Судя по отдельным терактам в Канаде, Норвегии, США, Франции и других странах Запада, агрессивные общности отнюдь не привилегия Востока.

В-третьих, инициирование глобального кризиса с каскадом локальных кризисов, усиливающих склонность к агрессивному решению экономических проблем. Перед Первой мировой войной случился кризис 1907 г. — «паника» в банковской системе США, затронувшая девять стран. Ей предшествовало резкое повышение ставок Банком Англии, вызвавшее отток капитала из США. Ответом стало создание ФРС и развертывание мировой войны. Второй мировой войне предшествовала Великая депрессия вслед за финансовым бумом 1920-х гг. Пусковым механизмом кризиса стало резкое сжатие денежной массы ФРС. Депрессия в США и Великобритании продолжалась вплоть до начала войны. В годы холодной войны особую роль сыграл кризис на рубеже 1970-х гг. В 1974 г. промышленное производство упало в США,

Японии, ФРГ, Италии, Франции на 13–22%. США оказались на грани полного дефолта и вынуждены были отказаться от золотого обеспечения доллара, однако подъем цен на нефть позволил подвести под инфлированную денежную массу нефтяное обеспечение и переложить американские проблемы на плечи других стран. Военные расходы выросли в 1970-е гг. как во время Второй мировой войны, обеспечив подъем реального сектора. С 2008 г., по сути, повторяется рисунок поведения всех параметров аналогично временам Великой депрессии.

В-четвертых, очаговые военные конфликты исполняют роль семян для взращивания большой войны. Накануне 1914 г. — аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, серия Балканских войн, Итало-турецкая война, кризис в Марокко и прочее. Очевидна и органическая связь Первой мировой войны с Русско-японской. Второй мировой войне тоже предшествовал каскад «очагов» — кровопролитная война в Китае, операции Италии в Африке, гражданская война в Испании, аннексия Германией Австрии, Судетской области, захват Чехословакии. В холодной войне — множество локальных конфликтов: Корея, Вьетнам, Индонезия, Ангола, Афганистан, Мозамбик и другие. Сегодня достаточно указать на перманентные конфликты и напряженность на Ближнем Востоке, в Африке, Индокитае, на Кавказе, в Приднестровье.

В-пятых, международное блокирование миротворческих усилий России (СССР, Российской Федерации). Так было с миротворческими инициативами Николая II, с Лигой Наций, в серии постсоветских конфликтов, с распадом Югославии, блокадой Ирака и Ливии.

В-шестых, непосредственное развертывание военного конфликта с массовыми жертвами и истощением ресурсов России. После Первой мировой войны помимо человеческих потерь Россией были утрачены территории, часть золотого запаса, внешние рынки, политические позиции, на 20 лет страна была вырвана из мирового научно-технического цикла. Вторая мировая война — сумма ущерба составила, по оценкам на сентябрь 1945 г., 2,6 трлн рублей, превысив все доходы бюджета в 1940 г. в 15 раз⁸⁵. Велики и потери времен холодной войны. В 2014 г. потери еще предстоит оценить. Например, фондовый рынок в 2014 г. потерял половину капитализации. Ядерный паритет сегодня гарантирует территорию России от перенесения сюда масштабных военных действий. Правда, ядерный паритет не гарантировал СССР от распада. Поэтому акцент может быть сделан на поощрение террористических операций в наиболее чувствительных регионах и вовлечение России в военный конфликт за пределами ее территории. Так, среди недавних предложений России со стороны Франции — принять участие в решении проблем с Исламским государством на фоне усиления экономических санкций.

В-седьмых, на заключительном этапе большой войны — вступление в союз с Россией с целью сотрудничества в послевоенном устройстве мира на условиях США, но без активного противодействия России. Такова была разнообразная помощь в период индустриализации, ленд-лиз, поставки зерна, некоторых технологий и оборудования в годы холодной войны, нынешние поставки практически всех товаров, инвестиционные проекты, разрешенный экспорт в США российской техники (космические двигатели, вертолеты), сохраняющиеся, несмотря на санкции.

В-восьмых, помощь побежденным Россией агрессорам с созданием в них управляемых группировок, нацеленных на дальнейшее противостояние России. Такую роль играл «План Дауэса» в отношении Германии, снизивший репарационные платежи и обеспечивший приток американских инвестиций. После 1945 г. такую же роль играли «План Маршалла», «План Моргентау», создание проамериканских военных и торгово-экономических блоков. После 1991 г. страны Восточной Европы были затянuty через экономическую помощь в долговую петлю, в НАТО и ЕС. Сегодня поддерживаются антироссийские режимы на Украине и в других странах, оказывается антироссийское давление на все страны, пытающиеся проводить собственную линию по отношению к России, введены в действие первые меры стратегии дискриминирующих долгосрочных санкций.

В результате своего положения Россия была втянута в разрешение геополитических и геоэкономических задач бывшего противника. Фактический обмен западной финансовой

и товарной массы на дешевые материальные и людские ресурсы постсоветских государств предотвратил срыв экономики США и Европы в кризисный штопор. Была продана по заниженным ценам даже значительная часть запасов стратегических минеральных ресурсов, выстроены схемы вывода инвестиционного капитала из страны и ликвидации множества конкурентоспособных предприятий.

Хранение национальных валютных резервов постсоветских стран, включая Россию, в облигациях США, также явилось одним из результатов окончания холодной войны. Вплоть до сегодняшнего дня объем российских вложений в американские гособлигации превышает 130 млрд долларов. Сюда следует добавить существенную «утечку умов» (более миллиона высококвалифицированных кадров) и объектов интеллектуальной собственности (здесь отрицательное сальдо составляло даже на 2012 г., когда уже многое «утекло», более 7 млрд долларов)⁸⁶. Установлению неэквивалентного обмена стран Запада с Российской Федерацией способствовал и импорт оборудования, технологий, других объектов интеллектуальной собственности. Ежегодно он достигал в последние годы 140–150 млрд долларов, хотя и содействовал модернизации экономики, но усиливал импортозависимость и привязку к зарубежным техническим решениям, зачастую устаревшим. Следует учесть и масштаб экономических, технологических и демографических потерь, а также упущенных альтернативных выгод, которые страна понесла в результате принятого курса «шоковой терапии» и экономических реформ, форсированной трансплантации рыночных институтов.

Освобождение России от неформальных и формальных условий, связанных с результатами холодной войны, в 1991 г. началось лишь с укреплением ее экономического положения, восстановлением военного потенциала, накоплением обоснованного недоверия к Западу, пробуждением массового патриотического самосознания. Глобальный финансовый кризис, осетино-грузинский конфликт, яростная антироссийская информационная кампания в августе 2008 г. и в период президентских выборов 2012 г., наконец, украинский кризис и государственный переворот на Украине катализировали обретение Россией основ своей новой геополитической субъектности. По сути, Россия, поддержав воссоединение с Крымом, показала способность принимать серьезные геополитические решения как великая держава. Попытки России (деофшоризация, импортозамещение и другие меры) выйти из дискриминационных форматов участия в мирохозяйственных отношениях, открыто манифестированных и усугубленных санкциями, стали неизбежным следствием принятых геополитических решений. Сама заявка на стремление России с партнерами по БРИКС принимать участие в формировании новых институтов мировой торговли и валютно-финансовой системы — это шаг к достижению выгод второго порядка в борьбе, которую страна ведет за свою независимость весь XX в.

Преобладание западной экономики над экономикой остального мира возникло сравнительно недавно по историческим меркам. Накануне Наполеоновских войн удельный вес только китайской экономики составлял треть мирового ВВП, а незападных стран в целом, включая Россию, — 70%⁸⁷. Соотношение резко изменилось во второй половине XIX и XX в. как следствие глобальной колонизации, индустриального подъема западного мира и итогов мировых войн.

Россия через катаклизмы революций и двух войн сумела создать новую социальную систему и стала центром нового — второго мира. В итоге до 1990 г. относительно обособленно функционировали три экономические системы: развитых капиталистических стран, развивающихся стран — третий мир и социалистическая система, включившая Россию и Китай. На долю социалистического блока приходилась примерно пятая часть мирового ВВП. За период с 1950 по 2010 г. Китай увеличил в 4,5 раза свою долю в мировом ВВП; Индия ее удвоила; доля России снизилась в 4 раза⁸⁸.

Второй мир после 1991 г. исчез как геополитическая и геоэкономическая реальность, частично перейдя в категорию стран первого либо третьего мира. После безуспешных попыток утвердиться как полноправный член группы развитых стран Россия де-факто стала страной развивающегося мира, его авангардной группы, вместе с Китаем, Индией, Бразилией, ЮАР (БРИКС), а также Мексикой, Индонезией, Нигерией и Турцией (МИНТ). При

нынешних тенденциях к 2030 г. страны Юга произведут две трети мирового ВВП, оставив странам Севера треть.

Точка перелома двухвекового тренда приходится на 2008–2014 гг., когда доли западного и развивающегося блоков в мировом ВВП сравнялись. Иными словами, в настоящее время соотношение экономических сил развитого мира и мира развивающегося вышло на состояние 1870 г., когда стали завязываться коалиции и сюжеты будущей Первой мировой войны. Стоит заметить, что на США тогда приходилось около 2% мирового ВВП, а на страны, ныне объединенные в ЕС, — 23%. Долговременным итогом империалистической экспансии Запада, колонизации Азии, Африки и Латинской Америки и двух взаимосвязанных мировых войн стал сдвиг в мировой экономике к 1950 г.: примерно по 27% пришлось тогда на США и Западную Европу. Именно Запад (Север) стал главным выгодополучателем в течение 80-летнего отрезка мирового развития, а совокупный Юг — донором этого возвышения Запада. 80-летний интервал (1950–2030), судя по тенденции, возвратит прежнее соотношение Севера и Юга на начало XIX в. Мировые войны объективно стали способом установления и удержания выгодного Западу баланса сил в мировой экономике и политике.

В настоящее время международные отношения находятся в режиме относительной устойчивости с локальными пока турбулентностями за счет сложного сосуществования как рудиментов Вестфальского, Ялтинско-Потсдамского, Хельсинкского порядков, так и элементов монополярного и многополярного мира с наднациональными регуляторами и институтами, сложившимися в последнюю четверть века. Такая институциональная пестрота — признак фазы значительных изменений в эволюции мировой системы, ее активного «рыскания» по спектру траекторий дальнейшей эволюции. Именно это определяет интенсивность поиска рядом акторов новой модели развития, стремление других акторов законсервировать свои преимущества, генерируемые доминантной моделью, равно как и попытки использовать для выхода из кризисного тупика ранее отработанные схемы. Отсюда — возросший интерес к осмыслению истоков мировых войн XX в.

При этом ухудшение позиций в уровне производства, как показывает исторический опыт, может достаточно продолжительное время компенсироваться ранее достигнутым превосходством в области стратегических отраслей, военной мощи, технологических достижений, коммуникационных платформ, информационного влияния, всего комплекса факторов «твердой» и «мягкой» силы, организационного и интеллектуального преимущества. Благодаря этим факторам падение доли Запада в мировом потреблении происходит с замедлением по сравнению с падением доли в мировом производстве.

Склонность к возможности военного разрешения современного кризиса усиливается новейшими экономическими обстоятельствами⁸⁹: во-первых, происходящее устойчивое усиление политической самостоятельности развивающихся стран (в первую очередь — БРИКС и МИНТ) на основе роста их экономического потенциала; во-вторых, накопление к настоящему времени в мировой экономике астрономической массы проблемных долгов. Это не только долги, обеспеченные имуществом заемщиков — предприятий и физических лиц, но и более 600 трлн долларов производных финансовых инструментов. Эти долговые обязательства в условиях кризиса оказались ничем не обеспечены, реальные товары и услуги под них даже и не предполагалось выпускать. Такие долги в явной или завуалированной форме занимают до трети балансов ведущих финансовых корпораций США и ЕС. Значительное списание этих долгов нереально — схлопывание финансового пузыря обернется каскадным ростом банкротств финансовых компаний и банков (сначала американских, а затем европейских), а далее и корпораций реального сектора со всем букетом социально-политических последствий. Государственная помощь США американским и аффилированным с ними зарубежным банкам за годы кризиса, по разным оценкам, составила от 16 до 32 трлн долларов, то есть не более 5% от общего объема деривативов.

В ходе множества глобальных и локальных экономических кризисов в течение XX в., за исключением Великой депрессии 1929–1933 гг., разница между объемами реального производства и объемами виртуальных невозвратных долгов не была столь катастрофична,

как сейчас. Причем выход даже из не столь масштабных кризисов происходил через войны, позволявшие списывать безнадежные задолженности. Сегодня списать безнадежные долги можно, только «повесив» их на кого-то путем именно военного принуждения под реальным или надуманным предлогом. Замещение невозвратных долгов реальными ресурсами частично произошло в ходе военных кампаний и «арабских революций» после сентябрьской 2011 г. трагедии попытки устройства большой межисламской войны (группа арабских стран против Ирана) с втягиванием в нее Израиля и России. Большая война в Азии с участием Китая, Индии, Пакистана, Японии, Северной и Южной Кореи, Вьетнама, Таиланда и других стран с желательным втягиванием в нее России пока тоже не удалась.

Ситуацию обострило то, что часть финансового истеблишмента США, обеспокоенная колоссальным объемом невозвратных долгов, вывела значительную часть своих активов из экономики США и доллара, вложив их большей частью в экономику Китая и ЕС. Эта группа рассматривала даже такой экзотический сценарий как распад США с последующим полным дефолтом по всем американским долгам. Конфликт по этому поводу между двумя глобальными американскими финансовыми кланами усугубил конкурентную ситуацию в западном мире, которая и без того весьма напряжена — как между товаропроизводителями-экспортерами из США и Европы, так и между финансовыми структурами из США и ЕС, ориентированными на разные валюты и разные финансовые центры.

Одним из методов балансировки реального и фиктивного секторов стало формирование мегапроектов, создающих квазиреальные активы, среди них проекты климатического потепления, сланцевого газа и нефти, альтернативной энергетики, множество проектов в сфере ИТ. Эти проекты выстраивают привлекательный образ будущего базового актива, оперирование которым позволяет манипулировать структурой и ценами энергопоставок, текущими и будущими финансовыми потоками, а также экономическими и политическими решениями. Эта технология привела, например, в США к обвалу цен на сжиженный природный газ: пострадавшая сторона — Катар, выигравшая — США, некоторые категории производственных предприятий и населения, потребляющих сжиженный природный газ или сланцевый газ. Однако проблему радикальной расчистки долгового навеса это не решило.

Для фундаментального уравнивания и списания части задолженности необходим резкий рост объемов заказов для американского реального производственного бизнеса. В XX в. эта задача решалась только в условиях мировых войн и гонки вооружений. Ранее упомянутое выравнивание потенциалов Запада и развивающихся стран в терминах совокупного капитала выглядит следующим образом: совокупный капитал стран ЕС оценивается примерно в 635 трлн долларов, США — 608 трлн, стран БРИКС — 1187 трлн⁹⁰. Принудительное изъятие 20–40% от этой суммы у стран БРИКС в пользу США и ЕС может стать реальным способом погашения безвозвратных долгов, расчистки балансов и стимулирования реального экономического роста в западном блоке.

Конкретные источники балансирования невозвратных долговых обязательств просматриваются на опыте мировых и локальных войн XX в. Среди них: закупка на Западе вооружения, продовольствия, промышленного оборудования и бытовых товаров за счет перемещения на Запад золотого запаса конфликтующих стран, поставок на Запад энергетических и сырьевых ресурсов по вынужденно сниженным ценам, получение «связанных» кредитов; допуск западных корпораций в стратегические сферы страны с вывозом прибыли за рубеж, отток на Запад в финансовой и товарной форме капиталов; арест депозитов и принудительное изъятие определенных активов; финансирование процесса и поставки оборудования и товаров в ходе послевоенного восстановления экономик стран — участниц мировых войн.

Таким образом, как и в прошедшие два века, Россия, а вслед за ней и другие страны БРИКС и МИНТ представляют некоторым акторам мировой экономики и политики мишенью для силовой экономической спецоперации в два этапа — «большой кризис» плюс «большая война». Однако сегодня сделать это можно лишь в ходе и в результате обширного военного конфликта с поэтапным втягиванием туда России и других стран. К счастью, трагический опыт XX в. вполне позволяет рассчитывать и на мирное разрешение накопившихся противоречий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война, М., 2002. С. 41–42.
- ² Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сб. документов. Т. 1. М., 2004. С. 16.
- ³ *Мизес Л., фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005. С. 55–56.
- ⁴ Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сб. документов. Т. 1. С. 18.
- ⁵ Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Сб. документов. Т. 3. Ч. 1. М., 2008. С. 111.
- ⁶ См.: Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М., 2014. С. 880.
- ⁷ См.: *Агеев А. И., Логинов Е. Л.* Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего // Экономические стратегии. 2014. № 6–7. С. 16–33.
- ⁸ Подробнее см.: *Голдгейер Дж., Макфол М.* Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009.
- ⁹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1941. С. 695.
- ¹⁰ 7 сентября 1939 г., согласно записям Г. Димитрова, И. В. Сталин так характеризовал начавшуюся войну: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над миром!.. Гитлер, сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему.. В условиях империалистической войны поставлен вопрос об уничтожении рабства!.. Мы, конечно, не пошли бы в батраки... Воюют хозяева капиталистических стран за свои империалистические интересы... Выступить решительно против войны и ее виновников» (Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 779–781).
- ¹¹ *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 25.
- ¹² Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. М., 2005. С. 548.
- ¹³ Там же. С. 549.
- ¹⁴ О прошлом во имя будущего. М., 1995. С. 139.
- ¹⁵ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 4. М., 1999. С. 294.
- ¹⁶ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 550–551.
- ¹⁷ *Ван дер Вее Г.* История мировой экономики. 1945–1990. М., 1994. С. 14–15.
- ¹⁸ Там же. С. 15.
- ¹⁹ См.: Холодная война. В 2-х т. Т. 2. М., 2014. С. 984.
- ²⁰ К 1948 г. существенно выросли ВВП Швейцарии — до 125 пунктов, Норвегии — до 122 пунктов, Швеции — до 133 пунктов (Там же. С. 16).
- ²¹ *Ван дер Вее Г.* Указ. соч. С. 18.
- ²² Кстати, именно Дж. М. Кейнс провел тщательный анализ Версальского мира и репарационной политики по отношению к Германии после ее поражения в Первой мировой войне, именно он был автором альтернативной программы создания новой валютной системы в Бреттон-Вудсе.
- ²³ Подробнее см.: *Костиков И. В.* Дефолты на рынке муниципальных облигаций США: экономические аспекты. М., 2001.
- ²⁴ Отчетный доклад Центрального комитета ВКП(б) XIX съезду партии // Правда. 1952. 6 октября, 15 октября.

- ²⁵ См.: *Агеев А. И., Логинов Е. Л.* Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего. С. 16–33.
- ²⁶ *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁷ Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Сб. документов. Т. 3. Ч. 1. С. 38.
- ²⁸ Там же. С. 741.
- ²⁹ *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера: путь к катастрофе. М., 2005. Т. 2. С. 154.
- ³⁰ См.: *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 43–44.
- ³¹ Подробнее см.: *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 1999. С. 350–351.
- ³² См.: *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 154–155.
- ³³ *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 42.
- ³⁴ *Звягинцев А.* Нюрнбергский процесс. Без грифа «Совершенно секретно». М., 2010. С. 280.
- ³⁵ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 296.
- ³⁶ См. подробнее: *Козловский Е. А.* Геология. Уроки Великой войны // Экономические стратегии. 2010. № 3.
- ³⁷ *Шпеер А.* Воспоминания // Пер. с нем. Смоленск, 1997. С. 115.
- ³⁸ *Звягинцев А.* Указ. соч. С. 287.
- ³⁹ Там же. С. 288–289.
- ⁴⁰ Там же. С. 309–311.
- ⁴¹ Подробнее см.: *Печатнов В. О.* Сталинградская битва и проблемы второго фронта // Вестник МГИМО- Университета. 2013. № 2 (29).
- ⁴² РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.
- ⁴³ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 388.
- ⁴⁴ См.: *Шпеер А.* Указ. соч. С. 390–391.
- ⁴⁵ *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 2010. С. 42.
- ⁴⁶ Подробнее см.: Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. Тула, 2014. С. 261–287.
- ⁴⁷ Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.
- ⁴⁸ Обеспокоенность России германской экономической экспансией до Первой мировой войны и после нее — важнейший момент в позиционировании. Германский импорт составлял 21% общего привоза в 1893 г., 35% — в 1903 г., 47% — 1913 г. Примечательна экстраполяция: «с такими темпами через 20 лет будет 70% в импорте». «Положение это не может быть терпимо: мы не должны питать своим импортом одну страну, притом страну, которая силою исторических условий на долгие годы останется нашим главным внешним соперником. Принятие самых решительных мер к предотвращению назревающей перед войной опасности монопольного захвата Германией нашего ввоза является одной из основных задач, стоящих перед русским государством... Предоставить Германии наибольшее благоприятствование — значит, сознательно идти на установление у нас монополии ее ввоза и поставить нашу страну, с народно-хозяйственной точки зрения, в данническое положение по отношению к Германии. Такое положение могло бы мыслиться как результат проигранной нами войны, но оно недопустимо как свободный выбор уверенного в своей победе народа» (Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 276–277).
- ⁴⁹ *Гриневецкий В. И.* Указ. соч. С. 37.
- ⁵⁰ Реконструкция Суэцкого и Панамского каналов с расширением их пропускной способности, попытка построить трансокеанский канал в Никарагуа, судьба северного и южного потоков, Великий китайский шелковый и чайный пути, в том числе в морской конфигурации, Северный морской путь, борьба вокруг трубопроводов в Европе, на Ближнем Востоке и Центральной Азии, сквозные меридиональные трассы в Африке и Южной Америке и прочее. Все это убедительные современные свидетельства большой значимости коммуникаций как пружины напряженности в международных отношениях.
- ⁵¹ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 45.
- ⁵² *Maddison A.* The world Economy. A millennium perspective. OECD, 2002. P. 90.
- ⁵³ См.: *Ibid.* P. 97–98.
- ⁵⁴ *Ibid.* P. 99–100.

- ⁵⁵ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002. С. 104–106.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (26 апреля — 26 июня 1945 г.). Сб. документов. М., 1984. С. 143.
- ⁵⁸ Maddison A. The world Economy. A millennium perspective. P. 103.
- ⁵⁹ Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития, М., 1993. С. 10; см. также: Кондратьев Н. Д. Указ. соч.; Садовничий В. А., Акаев А. А. и др. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М., 2014.
- ⁶⁰ Глазьев С. Ю. Указ. соч. С. 96–97.
- ⁶¹ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011. С. 24.
- ⁶² Там же. С. 25.
- ⁶³ Pigou A. The Veil of Money. L., 1949. P. 18–19.
- ⁶⁴ См. подробнее: Агеев А. А., Логинов Е. Л. New Deal — 2008 — «новая сдача». Блудные ученики Франклина Рузвельта // Экономические стратегии. 2009. № 2. С. 30–36.
- ⁶⁵ См.: Экономические стратегии. 2009. № 2. С. 32.
- ⁶⁶ Цит. по: Уткин А. И. Рузвельт. М., 2000. С. 275.
- ⁶⁷ Международные валютно-кредитные и финансовые отношения. М., 1994. С. 46.
- ⁶⁸ Катасонов В. Ю. Бреттон-Вудс: ключевое событие новейшей финансовой истории. М., 2014. С. 52–54.
- ⁶⁹ Экономические стратегии. 2009. № 2. С. 32.
- ⁷⁰ Катасонов В. Ю. Указ. соч. С. 16.
- ⁷¹ Там же. С. 50.
- ⁷² Уткин А. И. Вудро Вильсон. М., 2010. С. 391.
- ⁷³ Там же. С. 448.
- ⁷⁴ Подробнее о проблемах Версальского мирного договора см.: Keynes J. M. A Revision of the Treaty. N. Y., Harcourt, 1922.
- ⁷⁵ Подробнее см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939.
- ⁷⁶ Подробнее см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. М., 2004.
- ⁷⁷ Лиддел Гарт Б. Г. Указ. соч. С. 29.
- ⁷⁸ Там же. С. 27.
- ⁷⁹ Дашичев В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 42–43.
- ⁸⁰ Логинов Е. Л., Логинов А. Е. Энергетика России как инструмент глобализации евроазиатских энергосистем, рынков и объединений в формате интегрированного российского энергокластера // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 4. С. 18–23.
- ⁸¹ Агеев А. А., Логинов Е. Л. New Deal — 2008 — «новая сдача». Блудные ученики Франклина Рузвельта. С. 30–36.
- ⁸² Существенен и такой аспект «данничества России» — в отношении импортной зависимости: «Без особо ощутительных результатов для нашей армии нам пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать на наши деньги массу военных предприятий; другими словами, произвести на счет генеральную мобилизацию американской промышленности... В меньшей степени, но тоже значительной мы сделали то же самое и для промышленности Англии, Франции и Японии... Ныне перед нами выступает иная задача, важности необыкновенной: хоть теперь стать на правильный путь, т. е. во что бы то ни стало избавиться по части боевого снабжения от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия все необходимое для себя получала бы у себя дома, внутри России. При колоссальных, неисчерпаемых естественных богатствах России в этом нет ничего неосуществимого... Ведь совершенно неизвестно, когда закончится война и как сложатся обстоятельства не только после нее, но и в недалеком будущем в отношении возможности беспрепятственного получения из-за границы предметов боевого снаряжения... без полной самостоятельности... трудно остаться Великой Державой, несмотря ни на какие условия территории и внутренних богатств страны» (Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Т. 1. С. 596–607).
- ⁸³ См.: Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 161.

⁸⁴ См.: *Агеев А. И., Логинов Е. Л.* Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего. С. 16–33.

⁸⁵ Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 210–211.

⁸⁶ См.: Тенденции и перспективы развития мирового, евразийского и российского рынка интеллектуальной собственности. М., 2013. С. 8.

⁸⁷ См.: Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту. М., 2014.

⁸⁸ Там же. С. 161.

⁸⁹ См. подробнее: *Агеев А. И., Логинов Е. Л.* Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего. С. 16–33.

⁹⁰ *Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л.* Пределы роста: 30 лет спустя. М., 2012.